

Наталья СТОМОНаХОВА

г. Петрозаводск

Провинциальный контрданс

*детектив
на скорую руку*

1

По вечному закону подлости, мой сладкий сон, наполненный залиvistым щебетанием птиц и безмятежными звуками утреннего леса, был бесцеремонно прерван дуэтом визгливого сопрано и пронзительно ревушей автосигнализации. Вскрываю — на будильнике четверть девятого! Черт, опять проспала! Это ж надо было додуматься — самой назначить встречу на девять утра!

Ураганом пронеслась в кухню, шелкнула кнопкой на электрочайнике. Против природы не попрёшь — не выпив кружку кофе с молоком, я не человек. Выглянула в окно. Точно! Сопрано принадлежало соседке Эльвире Абрамовне (она всего полгода как получила права и ездить предпочитала по прямой: въезжая вечером во двор с одной стороны дома, утром выезжала с другой, периодически путая передачи). Жители нашей пятиэтажки к ее векторному вождению и, соответственно, произвольной парковке привыкли и старались не ставить свои машины рядом с её новеньким, но уже покоцанным авто. А вот очередной поклонник Надьки из первого подъезда, не зная, что мадам сначала сдаёт назад, а потом уж едет вперед, непредусмотрительно приткнул свой «BMW» мордой к заднему бамперу Эльвирино джипа.

...Так, теперь в ванную. У меня есть только пять минут на душ и чистку зубов. Лето — это хорошо, плохо то, что я не имею привычки с вечера готовить одежду на утро. И бесполезно с надеждой лезть в шкаф, пытаясь выудить что-то на ходу — нечто такое, что в пир и в мир... и можно не гладить. «Образ-стиль» — зомбируют модные журналы и стилисты из телевизора... Какой тут образ?! Срам бы прикрыть и бежать! Снова натянула майку и льняные брюки, которые хоть гладь, хоть не гладь — всегда мятые. Несколько раз провела массажной щеткой по черным кудрям — пудель да и только! Ничего, пудели бывают королевские. Заплела косу. Красить глаза в такую жару нет смысла, а если нет смысла, то нечего тратить время. Ха, красоту ничем не испортишь!

...Две ложки растворимого кофе, кипяток плюс одна треть кружки сливок — двести граммов хорошего настроения готовы. Заглотила — и полный вперед!

Подхватила сумку-склад, наполненную всякой нужной мелочёвкой «на всякий случай», захлопнула дверь; перескакивая через ступеньку, выскочила во двор.

Так-с, Эльвира во дворе. Главное — не делать резких движений, чтобы не привлекать внимание, — бочком на цыпочках за ее спиной... Добраться бы до ближайших кустов сирени, а там до машины рукой подать...

Да что ж за день-то такой — проскользнуть не удалось!

— Кирочка, дорогая!

Я замерла на месте. Это «Кирочка, дорогая!» прозвучало как «стоять!», обращенное к роте солдат!

— Да ты ж глянь на энтото че-ло-ве-ка! — выдохнула Эльвира Абрамовна.

Невысокий, кругленький как шарик мужчина втянул голову в плечи и с недоумением смотрел то на Эльвиру, то на помятый бампер автомобиля.

— Кто ж таким ездюкам права выписывает?! — она, точно гусыня крыльями, всплеснула руками, присела, её недобро прищуренные глаза оказались на уровне глаз горемыки. — Я спрашиваю: и кто?! Да не скрытничай, не скрытничай, подскажи народу, кто подсуропил с документиком? Молчишь?! Вот, Кирочка, мы с тобой статейку в твою газетку начири-

каем, мы всех на чистую-то воду выведем! — гремела на весь двор Эльвира.

— Да вы... да я... — мне показалось, что мужчина сейчас задохнётся от ярости, — тоже мне, престарелая суюмоистка выискалась, — выдохнул наконец он.

Такой наглости Эльвира Абрамовна никак не ожидала — и даже на мгновение опешила, выпучила глаза, хватая ртом воздух, как рыба.

— Оё-ёй! — я изобразила на лице сочувствие и затараторила, воспользовавшись молчанием соседки. — Эльвирочка Абрамовна, мы это с вами обязательно обсудим позднее. Извините, меня ждут, — и рванула к машине, не слушая призывов Эльвиры вслед.

Вставила ключ зажигания. Повернула. Двигатель «Мерседеса» работал неслышно. Выехала на проспект и покатила к выезду из города — в некогда рабочий поселок, а теперь район на выселках для бичей и прочих, кто продал квартиру в городе и, прельстившись доплатой, по своей воле или по причине сложившихся обстоятельств переехал жить в это забытое богом, властями и полицией место.

И всё-таки обожаю своего «мерина»! Мне его на двадцатисемилетие подарила бабуля — дама строгих правил и такой же профессии — хирург. Что-то мне подсказывает, что её пенсии должно быть маловато на такой подарок. Как, впрочем, и на «небольшой» в ее понимании кирпичный домик в два этажа на берегу озера, выстроенный на месте избы предков, и на помещения в центре города, сдаваемые под офисы. Ну, мамуля-то понятно — протезист, к которому едут не самые бедные пациенты. Старшая сестрица Лизаветка тоже в шоколаде — зам главного росрегистратора и жена опера. А я, Кирилла Разумова, не в честь Кирилла и Мефодия, а в честь деда названная, живу за счёт родни. Непутёвая! На работе больше года не задерживаюсь. Меня не гонят, нет. Вежливо предлагают попробовать себя на новом месте. Причём и место предлагают. Да так вежливо, что отказать нельзя. Теперь вот журналист, второй месяц держусь; никуда не сую, язык не вытягиваю. Попрут из местной газетёнки — пойду в банщицы. А что? Хорошо — ночью полки да полы натирать, днём спать, а с начальством только в день зарплаты встречаться, если не будут перечислять на карточку.

Из чрева сумки раздался перезвон мобильного. Наудачу пошарила в ней рукой в надежде извлечь на свет божий телефон — безрезультатно. Ну, еще бы! В моей сумке — «а-ля Мэри Поппинс» — есть всё или почти всё, кроме раскладушки. Пришлось съехать на обочину и вывернуть её содержимое на пассажирское сиденье. Оказалось, звонил Боря Сурминов — муж сестрицы и генерал всей нашей бабской бригады, единственный мужчина в семье.

— Привет, Борь. Чего звонишь?

— Кира, ты сейчас где?

— Хочу сделать несколько снимков для статьи. Думаю, через пару часиков буду свободна. Могу заехать к тебе в «околоток».

— Не заезжай. Встретимся в «Поплавке». Освободишься — позвони. Договорились? — его баритон звучал спокойно и уверенно.

— Хорошо, — согласилась я.

Тяжело переваливаясь на ямах в разбитом асфальте, мимо домов-развалюх машина приползла к конечной остановке автобусов. Раскалённый воздух дрожал, и от этого казалось, что дома шевелятся, дышат. Хрупкая девушка в сарафане, стоптанных балетках пряталась от июльского зноя в тени единственного дерева, склонившегося над железным остовом остановочной будки. Я выскочила из прохладного салона машины на солнцепёк... и точно попала в жаровню. Черт, эта почти африканская жара сведёт нас, северян, в могилу!

— Привет. Меня зовут Кира, — я протянула ей руку.

— Света, здравствуйте, — робко улыбнувшись, она пожала мою ладонь.

Сероглазая, с такой солнечной детской белобрисостью, которая чаще всего, когда ребенок обрастает, превращается в темно-русый или пепельный оттенок волос, она была похожа скорей на пацанёнка, чем на девушку, и сразу понравилась мне.

— Светочка, поехали смотреть твою квартиру.

— Вот мой дом, — она показала на противоположную сторону улицы.

Её полуразвалившийся одноэтажный и длинный дом-барак, подыхающим зверем вытянувшийся вдоль пыльной дороги, произвел на меня гнетущее впечатление. Мы поднялись на крыль-

цо и вошли в нескончаемый обшарпанный коридор со множеством дверей. Осторожно ступая, пошли по полусгнившему полу. Доски предательски скрипели и пружинили под нами, угрожая провалиться, а кое-где были уже сломаны, поэтому нам приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть ногой в дыру. Солнечные лучи, проникшие сюда сквозь выбитые стекла коридорного окна, высвечивали огромные пятна на потолке и подтёки на стенах, свидетельствовавшие о том, что едва ли крыша этого дома может стать надежным укрытием во время ливней. Перекошенные косяки с трудом держали хлипкие двери, оставляя зазоры. И кому это пришло в голову дом назвать крепостью?! Взять штурмом эту «крепость» было бы по силам любой шпане, которая слонялась по району, — достаточно лишь посильнее надавить плечом на дверь. На какое-то мгновение я засомневалась, что здесь еще живут люди, — увиденное больше напоминало сарай или склад для старого ненужного барахла, типа тех, что иногда устраивают в нежилых домах. Примерно в середине коридора Светлана остановилась, открыла ключом дверь, обитую драным непонятного цвета дерматином, и впустила меня в крошечную прихожую. Мы прошли в кухню.

— Воду нужно носить с колонки, газа нет и плиты тоже, — она прошла в комнату, я шагнула следом.

По мысли архитектора, отоплять эти хоромы надлежало печкой, стояк которой зиял отбитой штукатуркой и вывалившимися кирпичами. Видимо, пламя из печки лизало когда-то белоснежную побелку и оставило длинный жирный след сажи до самой вьюшки. Литая печная дверка держалась на честном слове — казалось, она вывалится, стоит только до нее неудачно дотронуться. По всей вероятности, топить хозяевам приходилось «по-черному».

Внешняя стена, которая выходила на дорогу, пузырилась обоями. Даже невооруженным глазом было заметно: она просела настолько, что потянула за собой вниз и окно. Склеенные скотчем трещины на стекле створки распластались прозрачным пауком. Фанера, вставленная в другую половину, гудела от лёгкого дуновения летнего ветерка. Я барышня впечатлительная, и в одну секунду мне показалось, что еще немного и этот скотчевый паук оживет и

набросит на меня липкую сеть нищеты и убогости. От такой ассоциации меня передернуло.

Меблирована комната была новеньким диванчиком, в народе называемом «школьным», черт знает как тут оказавшимся. Венский стул с укороченной ножкой заваливался на стену. Тяжеленный допотопный уют и кусок фланелевого одеяла неопределённого цвета располагались на краю массивного письменного стола с облупленной лакировкой, занимавшего треть помещения. От этого комната с ободранной и посеревшей побелкой на потолке, местами осыпавшейся, а в большей части все еще свисавшей тонкими голубовато-белыми пластинками, немного напоминала наркомовский кабинет в съёмочном павильоне.

— Светлана, я снимаю?

Она кивком дала согласие. Подошла к окну и принялась приклеивать отлепившийся кусок скотча. Я нажимала кнопку затвора фотоаппарата, кадр за кадром заполняя карту памяти.

— У меня ведь раньше была семья и дом, — прервала молчание Света. — Мы жили хорошо, мама работала портнихой, отец — кузнец. И платья красивые у меня были, и пироги на праздник пекли с мамой, а папа водил меня в кино, в парк и к цыганам на Старый хуторок кататься на лошадях. — Она стояла вполборота ко мне и смотрела в никуда, словно прокручивала в голове только ей видимые картинки, как в диафильме.

— ...Потом мама умерла, просто легла спать и не проснулась. Отец привел новую жену, у них родился сын. Мачеха после родов выпивать стала. Отец сначала ругал её, а когда закрыли его институт, сам запил. Они пили, а потом дрались! Я боялась ночей, думала, засну, а они прирежут друг друга.

Светлана говорила тихо, монотонно, будто всё уже пережилось и отболелось, но мне было её жалко.

— ...Их лишили родительских прав, и мы с братом попали в детдом. В мае мне исполнилось восемнадцать, мне дали эту квартиру. Теперь вот хочу забрать брата.

— Света, а разве за тобой и братом не закреплена родительская квартира? Где она? Сколько в ней комнат? — спросила я.

— Трёхкомнатная. На площади Победы. Тетки из опекунского отдела считают, что мне там

жить опасно, отец умер, а мачеха... Все алкаши города сползаются к ней. Можно подумать, что здесь, — она обвела взглядом комнату, — не опасно. Ненавижу, ненавижу!!! — Света рванулась к выходу, я за ней. Догнала её уже на улице, возле машины.

— Света, я захлопнула дверь. Тебя куда отвезти?

— На Коммунистов, к бане.

Это было на другом конце города.

Пока я вела машину, Света молчала и безучастно смотрела в окно. Я изредка косилась на неё, попутно соображая, что делать. Еще час назад я была уверена, что справлюсь с этим заданием легко. А сейчас?! Ну, сварганю статейку, получу бонус от общественности и что? Ни-че-го! В лучшем случае отзовется какой-нибудь доброхот и подкинет девчонке машину дров, чтобы совсем там не околела, когда придут холода. Да что я могу?! Жернова сиротского бизнеса перетрут меня, как зернышко. Куда уж спокойнее вести колонку «Советы от повара». Пытаясь себя убедить не лезть в это дело, я снова покосилась на Свету. Ее поза не изменилась, только на губах появилась призрачная снисходительная улыбка, будто она понимала, что помощи ждать неоткуда, что я ничем не смогу помочь. Черт! Но я еще не расписывалась в собственном бессилии.

Мы подъехали к зданию бани — теперь в ней был открыт бар.

— К ларьку не подъезжай, тут сойду.

Я остановилась возле сквера, не доехав до ларька метров двести.

— Кира, не пиши ничего, не мучайся... Самому Вербинину с телевидения не разрешили сюжет снимать. Он расстроился, диван мне купил, — она сказала тоном уставшей от жизни женщины, словно это мне было восемнадцать, а ей двадцать семь.

— Не писать?! — мозг подсказывал согласиться, но во мне что-то взбунтовалось и с языка слетело: — Ещё чего, обязательно напишу!

— В этом году в нашем районе самый большой выпуск — тридцать пять детдомовцев. Мне и ещё четырнадцати повезло — хоть такие квартиры получили. Двадцати ребятам вообще ничего не дали.

— Подожди, а где же они тогда живут?

— Две девочки — у меня. Остальные — кто на панели, кто-то уже на нарах, кто-то уехал... Я боюсь... Но решилась: пойду проситься к Око, он обещал помочь вернуть нашу квартиру.

Она выскользнула из машины, хлопнув дверью, направилась в сторону ларька.

— Света, подожди! — Заглушив машину, я бросилась за ней, схватила за плечи, начала трясти: — Ты что, с ума сошла?! Выбрось эти мысли из головы!

— Отпусти, мне больно! — она пыталась вырваться.

— Больно! Это еще не боль! Ты хоть знаешь, что этот Око с девочками делает? Знаешь? Что молчишь? Знаешь или нет!

— Слышала! А тут лучше, что ли? Ты даже представить не можешь, что в посёлке делается, как стемнеет! Да отпусти ты меня! — Я ослабила хватку, она сбросила мои руки.

— Света, Светочка, послушай меня, я сейчас поеду к одному человеку, а потом мы встретимся с тобой и поговорим. Только ты пока не принимай никаких решений. Хорошо?! Пошли к машине, я дам тебе номер моего мобильного, — мой умоляющий голос вроде бы подействовал.

— У меня нет телефона... и сумочки тоже.

Усмешка скривила её губы, я растерялась, посмотрев на её руки.

Ей жить не на что, а я «запиши мобилу!» Дуря чёртова!

— Света, куда и во сколько мне подъехать?

— Ну, я в ларьке фрукты и овощи перебираю. Может, до... Лучше приезжай к пяти — если что, так я подожду.

— Хорошо, только ты дождись, ладно?!

Она легонько кивнула.

Я рванула к «Поплавку», как Шумахер выжимая педаль газа, благо от жары народ зависал у воды и улицы были полупустые. Сурминов ненавидел, когда опаздывают, и мог в воспитательных целях не дожидаться, уйти, а потом отчехвостить. Зная, что на центральной улице места для парковки скорее всего не будет, бросила машину в переулке, дворами метнулась к кафе. Злющий Бориска топтался на ступеньках, нервно курил. Придется включить дурочку. Я нырнула в кусты сирени, пробралась к лестнице, глупо улыбаясь и подобострастно пытаюсь поймать его взгляд, заныла:

— Борь, ну, Борь, прости, а? Ты же знаешь, каюсь — раздолбайка такая уродилась.

Я пролезла между перил и забралась к нему вверх на последнюю ступеньку.

Борискино молчание не предвещало ничего хорошего. Не проронив ни слова, он взял меня за руку и поволок через проезжую часть по направлению к забегаловке напротив.

— Куда ты меня тащишь?

— Киря, засохни, а?! — С досадой он больно дёрнул меня за руку.

По его тону я сразу поняла: что-то случилось и лучше последовать совету Бори — здоровее буду. Так он разговаривал со мной только один раз в жизни — прошлогодней зимой, когда мы с подружкой поехали к её хахалю на дачу, а пока были в бане, к нему завалилась толпа пьяных отморожков, и Борьке пришлось вывозить нас с дачи в чем были — в халатах и тапочках. Тогда он чуть не убил нас прямо в машине.

Бориска резко остановился перед дверью в задрипанную кафешку и остервенело зашептал, заглянув мне в лицо:

— Ты что, не понимаешь: на этот раз ты сама влезла в лужу с навозом и затягиваешь туда же нас! — Я открыла рот, чтобы возразить, но он рыкнул: — Молчать! В кафе нас ждёт Ванька, а для тебя — Иван Сергеевич, поняла?! — Я утвердительно мотнула головой. — Ты сделаешь все, что он тебе скажет.

Я деланно подняла брови и сально улыбнулась:

— Всё?!

— Хватит выделываться! Пошли!

Борька потянул меня в дальний угол зала убогой кафешки к столику, за которым сидел кряжистый мужчина в светлой тенниске и лысый. Мы сели напротив него.

— Вот, знакомься: это Кира — моя невестка...

— Свояченица, — поправила я его в сотый раз.

Борька недовольно кашлянул.

— Иван Сергеевич Сергеев, — незнакомец протянул мне свою огромную мясистую ладонь, больше похожую на ковш мини-экскаватора. — Я заказал вам поджарку с пюре, компот и пирожки.

Это звучало не как предложение, а как приговор, поэтому я, что называется, проглотила: не стала обсуждать меню.

— Кира, расскажите, чем вы с утра занимались? — Лысый вальяжно откинулся на спинку стула и испытующе уставился на меня.

Я, в свою очередь, начала бесцеремонно изучать его глазами. Он был скорее не лысый, а блондин, выстриженный под ноль, широкую рельефную грудь обтягивала фирменная футболка «Fred Perry», на мизинце поблескивала массивная золотая печатка, и почему-то на правой руке красовались изящные черные часы — по всей видимости, настоящие «Rado» с сапфировым стеклом. М-да, на жизнь ему, похоже, грех жаловаться...

— Ой, как всегда, проспала, во дворе сигнализация сработала, кофе допила уже в прихожей, а день сегодня такой... — затарахтела я, наивно хлопая глазами.

— Это вы мне потом расскажете: и про кофе, и про сигнализацию, — перебил меня Иван. — Сейчас, пожалуйста, расскажите, куда ездили, с кем встречались и что знаете о квартирах для детдомовцев? Знаете, кто им подыскивает жильё?

Он сидел, скрестив на груди руки. Говорил спокойно и уверенно, явно ощущая себя хозяином положения.

Так, мне надоело! Я взорвалась:

— А с кем сплю, не надо рассказывать? Где деньги храню? Собственно, вы кто и почему я должна это рассказывать вам?

Бориска локтем ткнул меня в бок, пытаюсь умерить мой пыл.

— Я работник опекунского отдела, приехал в отпуск бабушку навестить. Боря, мой друг детства, попросил помочь вам, Кирочка, выбраться из очень нехорошей ситуации, в которую вы влезли, — он говорил со мной снисходительно, как с маленьким ребенком.

— Да вы что! Сотрудник опекунского! Как трогательно! Наверно, собираете на домики для бездомных поросят?! А я-то, дура, всё думала: что за серый роги мочит?!

— Кирка, завянь! — Борька снова напрягся. — Тоже мне, знаток фени выискался.

— Так говорить или молчать?

— Говори, только по делу! — в голос зашипели мужики.

— В посёлок ездила. Встречалась со Светланой Бортник, смотрела, что ей в приданое дали после выпуска из детдома. Так вот, макси-

мальная цена квартир в том бараке, куда ее отправили жить, не дороже пятисот тысяч рублей, а куплена-то она была за два миллиона. Всего десять детдомовских так «облагодетельствовали». Стало быть, больше пятнадцати мулей упало в портмоне и сумочки. Вот вопрос: в чьи?

— Откуда ты-то знаешь, сколько за них заплатили? — Борька положил вилку, которую крутил в руках, на стол.

Походкой манекенщицы к нам подошла молоденькая официантка с подносом. Поставила перед Бориской тарелку с горячим, затем повернулась к Ивану. Томно заглядывая ему в глаза, как в лучшей парижской ресторации, протёрла перед ним стол и, прогнувшись на манер «милости просим, батюшка барин», театрально поставила тарелку перед ним. Я презрительно фыркнула. Официантка зло прищурилась и пренебрежительно швырнула в мою сторону еще одну тарелку, та угрожающе завальсировала по столешнице. Милое создание испуганно захопало глазками, открывая по-рыбьи ротик. Поймав тарелку на самом краю стола, я спокойно подошла к барышне и вывалила содержимое тарелки прямо на поднос.

Компот и пирожки принесла другая официантка.

— Бориска забыл, где его жена работает? Напоминаю: в Росрегистрации, — ответила я без издёвки, уплетая пирожок с компотом.

Еле сдерживая гнев, побагровевший Сурминов больно стиснул моё запястье:

— Сейчас ты поедешь в редакцию и уволишься сегодняшним числом.

— А как насчет двухнедельной отработки? — я выкатила на него глаза.

— Ничего, я договорюсь. Впрочем, можешь не ездить, заявление от твоего имени, — он посмотрел на часы, — в течение часа будет у редактора на столе. Я тебя устроил, я тебя и уволю! А ты сейчас едешь к бабушке и неделю сидишь там, ясно?!

— Ясно, у меня как раз закончились деньги.

— Вы, Кира, что, правда, не понимаете серьезность ситуации?! — Иван беспокойно оглядел зал. — Для любого города такая прибыль с одной квартиры — хороший бизнес. Они не захотят лишаться таких денег и должностей.

— Можно оказаться «пропавшим без вести» — это худший вариант, а лучший — где-нибудь в зоне рукавицы шить будешь. И не только тебя, трепать будут всю семью. Давай лучше забудем об этом деле, а твоей Светлане поможем в частном порядке, а? По доброте душевной, — миролюбиво добавил Борька.

— Вербинин откупился от неё диваном, я ей вставлю стекла или поставлю приличную дверь, а кто и как откупится от тех, кто остался на улице? Они же не виноваты, что сироты! Так и готовятся «новобранцы» в тюрьмы и на панель!

— Кирочка, девочка, советую: поезжайте к бабушке, вечером я вам позвоню, — снова подал голос бритый.

— Да иди ты!

Я как настёганная выскочила из кафе, у меня внутри всё бурлило от бешенства и осознания собственного бессилия что-либо изменить.

Шла к машине не дворами, а улицей. По пути в «Связном» купила дешёвый мобильник, на бульваре у распространителей, накиннув полтинник, — взяла «левую» симку, в табачном ларьке — пачку «чёрного тощего «Кента». Курю я крайне редко — только при сильном душевном волнении. Присела возле фонтана подымить и прикинуть, как помочь девочке без ущерба для своей шкуры. Выкурила две сигареты подряд, а в голове ни одной умной мысли. Зато до встречи со Светланой ещё два часа. Набрала бабулю:

— Ба, привет, у меня к тебе две просьбы. Поможешь?

— Смотря какие.

— Во-первых, мне надо пристроить на работу с проживанием девочку на пару недель, а во-вторых, одолжишь мне денег? Честно, не знаю, когда смогу отдать. Кажется, я снова безработная.

— А что она умеет делать?

— Думаю, ничего, она из детского дома.

В трубке послышалось шипение. Пауза затянулась. Наконец бабушка ответила.

— Приезжайте.

— Спасибо, бабулечка. Я тебя люблю!

— За первую или за вторую просьбу?

— За всё.

До пяти еще минут сорок. Припарковалась я

на том же месте, где утром оставила Светлану, заглушила двигатель, приготовилась к долгому ожиданию. Неожиданно задняя дверь приоткрылась, и Света, бледная, с испуганными глазами, юркнула на сиденье.

— Что стряслось?

— Я боюсь. Когда я пришла на работу, тетя Люба-продащица сказала, что приходили два «кабана», меня спрашивали.

— Не трусь, окна затонированы, тебя не видно с улицы. Там под моим сиденьем есть бутылка воды, правда, она теплая.

— Она им сказала, что я уже у неё не работаю, они и уехали, а мне велела уходить от греха подальше. Я пряталась в кустах.

— Не бойся. Едем к моей бабуле в Ивняки. Знаешь такую «долину нищих»?

— Что ещё за долина нищих? Что ли ещё хуже нашего посёлка есть?!

Я хмыкнула:

— «Буратино» читала?

Оглядевшись, не наблюдает ли кто за нами, вырулила на проезжую часть и вклинилась в поток машин. От окраины до Ивняков — километров десять. Надавила на педаль газа, и уже через несколько минут мы неслись по шоссе. Я рассказала Свете, что деревня еще десять лет назад ничем не отличалась от таких же почти заброшенных русских деревень, но прозрачная вода, песчаное побережье с высокими стройными соснами умилили и глаз, и душу заезжего «барина». Купил он себе мыс, возвёл «рыбацкий домик» с причалом, покруче рублёвских.

Свернули с автострады на трехкилометровый хайвэй, построенный на месте лесной дороги.

— А чем наши местные ротшильды хуже стольных?! Да ничем, разве что денежек меньше. Вот и берут архитектурой. У озера в бревенчатой избе прошло все наше с сестрой детство, да и юность. Смотри, смотри, Светлана, красота какая!

Дорога немного шла под спуск, открывая вид на озеро, облизывающее скальные берега с ровными корабельными соснами.

Я подкатила к высокому синему забору, по-сигналила. Створка автоматических ворот отъехала вправо, пропустив машину во двор. Мы вышли из машины навстречу бабуле. Та уже ждала нас на крыльчке. В синих велосипедках

на два размера больше, чтобы не обтягивали, напоминавших укороченные порты, в соломенной широкополой шляпе с крупным красным пионом, она напоминала скорее курортницу в доме отдыха. А куценькая майка в обличку подчёркивала и без того большую грудь — отличительную черту женщин нашей породы.

В доме бабуля кормила нас моими любимыми котлетами из куриной грудки, белокочанной капусты и лука, я ей рассказывала о Свете, а та глазела на неё. Семидесятипятилетняя бабуля выглядела такой дамой лет шестидесяти — не больше. Даже седина ее не портила, потому как была серебристо-пепельная и больше походила на модное нынче мелирование. А серые глаза с озорными искорками позволяли сделать вывод о молодости её души.

— Светочка, недельку поживешь на острове у Варвары, они там сенокосничают. Варвара — дочь моей покойной подруги. Живёт с престарелым отцом. У деда нрав веселый, душевный.

Девушка согласно мотнула головой.

— Сейчас мы соберём тебе кой-какие продукты. Кирка, а ты чего сидишь? Иди подбери что-нибудь из вещей, сумка с тем, что тебе уже мало, в стенном шкафу, и полотенце не забудь. Сейчас уже Варвара придет, торопись.

Пока я искала для Светы одежду, бабушка рассказывала ей о Варваре — старой деве. Тетка она была хорошая, добрая, а пазл «личная жизнь» не смогла сложить. После училища бабушка звала её к себе в хирургию, но она по настоянию родителей вернулась домой. До пенсии проработала фельдшером, обслуживая приозерные деревни.

Дверь, легонько скрипнув, распахнулась, и появившаяся на пороге Варвара грудным приятным контральто бойко поприветствовала:

— Привет от старых штиблет! — Подошла к Свете, протянула руку. — Тётя Варя, можешь звать Варварой или Верой — как удобней, так и зови.

Света несмело протянула свою руку, тихо поздоровалась.

— Привет, тёть Варь! — Я поставила сумку у порога. — Деда Костю уже отвезла?

Отец тёти Вари был большой шутник, мне нравились его прибауточки.

— И его, и двух коз, третья — в лодке. Девки, берите сумку и дуйте к моторке, нам с Инесой пошептаться надо.

Подхватив сумки, вышли на террасу и потопали к озеру. Деревянная лодочка с козой-пассажижкой, привязанная к мосткам, чуть покачивалась на воде.

— Коза в лодке, а я думала, она пошутит, — заулыбалась Света. — Бодучая?

— Эта смиренная, но жрёт все, береги подол. А двух других вместо собак можно держать.

Я отдала Свете мобильник, показала, как включать и выключать, как быстро набрать мой номер. Неспешно подошли тётя Варя с бабушкой.

— Кирка, ну на кой ей на острове телефон, заряжать-то все равно негде, ты бы ей лучше зубную щетку положила, — бабушка подала пакетик. — Брось в сумку и покажи гостье, как калитка открывается.

— Слушаюсь, мой адмирал. Света, запомни: наш дом, потом тёти Вари, а за ним — лес. — Мы подошли к калитке. — Смотри: тут между столбиком и доской проволока есть, тяни.

Она потянула.

— Толкай калитку. Сильней. Поняла, как открыть?

— Да.

Когда лодка отшвартовалась от берега и взяла курс на острова, я рассказала бабуле обо всех происшествиях дня в подробностях.

— Борис перестраховывается. Думаю, убивать нас не будут, прикусить языки попросят или заставят. А вот девочку могут обидеть.

— Ты думаешь?!

— Знаю. У тебя в сумке телефон брякал, твоя Мур-мур скоро явится. Иди встречай.

С Маринкой мы дружили аж с первого класса. Голос у неё был негромкий, тягучий, как сливочная тянучка, да и сама она была томная: как начнёт что-либо рассказывать — заснуть можно. Бабушка её любила, но звала Мур-мур или Мурка. А я её уважала за то, что она умела хранить тайны (бабуля подводила под это своё обоснование — полное отсутствие памяти) и любила за... Да какая разница?! Просто любила ни за что или за всё!

Помня, что примерно в это время сосед едет в город по делам, я открыла ворота и вышла встречать подругу. Стыдно признаться, сколько раз и в каком костюме он мне являлся во снах...

Нет, невысокий, но ладный, подтянутый, в смокинге, думаю, он был бы шикарен, однако костюм Адама из моих девичьих грёз ему шёл как никому другому. Физиология, одним словом. Ох, если бабуля узнает об этой физиологии – съест! День через день зудит, что я не вижу настоящих мужиков, а только щелкопёров.

Ворота скрипнули, и джип Альберта выехал со двора. Пока ворота автоматически закрывались, он дал задний ход и остановился возле меня. Обменявшись приветствиями и дежурным «как дела?», его машина стартанула в город. Для Альберта я была просто соседка. Закрутить с ним меня сдерживало наличие у него штампа в паспорте. Да и он был не особо настроен на адюльтер со мной...

Я вздрогнула от клаксонного сигнала, открыла глаза, Маринкин белоснежный Lexus SC 430 стоял рядом.

– Привет, блаженная! Ой, Кирка, доведет он тебя до этого, как его... забыла...

– Привет... суицида. Что встала? Телепортируйся на своей колымаге во двор.

– Слепенькая ты наша, не заметила, кто у него на заднем сиденье сидел? – ехидно пропела Маринка.

– Никого не было! – Крапивные слова хлестнули меня. Хоть машина и затюнингована, но в салоне и правда никого не было или я слепая.

– Угу, белокурое привиде-ни-е.

Автомобиль заехал во двор. Его хозяйка, ухоженная, красивой бабочкой запорхала по двору в ароматах роз и жасмина.

– Маришка, тебе кофе или чай?

– Давай в тень.

– Понятно. Так что будешь-то?!

– Все равно. Здравствуйте, Инесса Вадимовна, – Марина поздоровалась с вышедшей на крыльцо бабушкой.

– Привет, привет. Идите в сад, чайник, чашки и пирог не забудьте, – ответила бабушка, хитро улыбаясь, и вернулась в дом.

Прихватив из дома поднос для чаепития, прошли по тропинке к фруктовым деревьям, среди которых зеленела беседка, уселись на стулья вокруг круглого столика.

– Ой, Кирка, из-за своих сновидений и этого «культуролога» ты попадешь в психушку...

– Только не начинай, он человек женатый, и тема закрыта

На протяжении уже некоторого времени мне снится один и тот же сон, в котором мужчина подходит ко мне, прижимается солоноватыми губами к моим губам, а у меня внутри всё замирает. Лица его я не вижу, оно как в дымке, но твёрдо знаю, что каждой клеточкой тела и души люблю и могу умереть, если он уйдёт. Он настолько реален, что, открыв глаза, я продолжаю ощущать его губы, его дыхание на своей коже. Я знаю, как пахнет его тело, какие мягкие у него волосы, знаю аромат его одеколona, но никогда не видела его лица. Да что с меня взять? На безмужичье кто только не приснится. Но как же хочется, чтобы когда-нибудь эти губы целовали меня не только во сне...

– Тебе надо мужиков обнюхивать, может, и найдёшь своё счастье, – подколола меня Маринка.

– Давай о тебе, что там у тебя стряслось?

– Я даже не знаю... как сказать... с чего начать.

– Не затягивай.

– Ну... в общем... у моего Жорика есть баба... – выдохнула Маринка, отхлебнула ароматный чай, – представляешь, такая маленькая, криволапенькая, нечёсаная овца-малолетка. Что он в ней нашёл?!

– Соскучился по прежней жизни. Папенька-то твой в курсе зятевых увлечений?

– Нет. Это еще не все.

– Ма-ри-ша!!! – предостерегающе прищурившись, я забарабанила пальцем по столу, понимая, что сейчас рассказ начнет обрастать ненужными подробностями, среди которых потеряется суть.

– Я не понимаю, как проходит процедура. Одним словом, Жорик и два его приятеля в госимуществе покупают помещение, недорого. Помнишь, на Парковой трикотажное ателье «Снежинка»?

Я мотнула головой, мол, помню.

– И что из этого?! Какая связь?!

– А то, что как только у него появится свой бизнес, он совсем уйдет к этой овце.

– Да на бизнес голова с мозгами нужна. Коль дядя Эдуард дает ему такие деньги, то – не волнуйся – проконтролирует.

– В том-то и дело, что не берет он у папы де-

нег! Папа вообще об этом не знает! Он его терпит-то из-за меня.

— Вот пройдемцец, из песка верёвки вьёт!

— Не выдумывай, не занимается он махинациями, не об этом речь.

Я удивлённо подняла брови.

— Кира, он и от меня это скрыл! Утром, пока он был в душе, на его мобильник пришла эсэмэска из банка, что его счет пополнился. Раз я её прочитала, то и исходящие глянула. А там — «девочка моя, потерпи, скоро у тебя будет и дом и деньги». Сволочь! Урод! Да если б не мой папа... Я все равно его не отпущу! — Марина заплакала.

— Хоть ненавидь, хоть люби, только, пожалуйста, успокойся.

Я подошла к ней и обняла, она уткнулась в мой живот, а я гладила ее по голове, размышляя над тем, что Жорке-прошелыге ещё надо? Жил бы тихо, и его с отступными бы отпустили, а так может остаться на стручках.

— Кира, я его не отдам, я буду бороться за него! — Марина подняла на меня зареванное лицо. — Я придумала как. Он думает, что в аукционе будут участвовать только они трое. Фиг им! Ты будешь четвертой! Завтра последний день подачи заявок. Я договорилась. Вадик же папин юрист, отнесёт документы в последнюю минуту...

— Не-не-не! Давай лучше найдем кого-нибудь другого... Мои меня и так сожрут, у них и без того из-за меня куча проблем намечается...

— Кира, это же большие деньги!

Еще пару месяцев назад Маринка бы сказала: «Чёрт с ними — с деньгами!» Да, плохи твои дела, Жорка! И ура! Маринка вроде идет на поправку!

— Довериться могу только тебе, помоги мне! Всё организует наш юрист, от тебя требуется подписать доверенность на него, а от меня — деньги. Даже если Жорка выиграет, что маловероятно, деньги нам вернут.

— Да? Точно вернут?! — я отошла от взбодрившейся подруги и вновь уселась на свой стул.

— Вадик врать не будет.

На несколько минут в воздухе повисла тишина, не сговариваясь, мы с Маринкой стали рассматривать бабочку, кружившую над георгиновым кустом. На моё счастье, крупные махровые цветки привлекли внимание не только насекомого, но и моей подруги, так что я выгадала несколько минут покоя, чтобы обмозговать ситуацию.

Играть в игру, правил которой не знаешь, страшновато, но надо. Пусть Маринка поглядит, кто греет её постель! Тем более что Жорка с его потными руками, сальными глазками меня раздражал. Без руля и ветрила три года назад появился он в нашем городе. В поисках богатой невесты наш рыбак стал ставить сети в городских кафешках и ресторанах, выбирая те, где частенько скучают одинокие состоятельные дамочки. И — надо ж так случиться — в его сети попала Маринка.

— О! У Инессы Вадимовны моцион! Сейчас своей фирменной «валерьянкой» потчевать будет, — Маринин голос вклинился в поток моих мыслей.

К нам направлялась бабуля с подносом, на котором, сверкая и переливаясь, стоял двухсотграммовый хрустальный графин, наполовину наполненный розовой жидкостью.

Рюмочка малиновой наливки собственного изготовления «отформатировала» наше настроение в аккурат к приезду Вадика и нотариуса. Подписали бумаги, и он увёз последнего в город, пообещав вернуться за Мариной.

— Мурка, ну чем тебе Вадька был плох? Воспитанный, умный, красивый, из хорошей семьи. Как он на тебя смотрит! До сих пор тебя любит! — завела бабуля старую песню. — А мама у него какая! Лучшая медсестра в больнице! И что ты вцепилась в эту «погремушку»?!

— Кирка, а ты-то что поддакиваешь? — вспыхнула Маринка, заметив, что я киваю головой, соглашаясь с бабулиной тирадой.

— В отношении твоего Жорика мы с бабушкой единодушны. Дорогая, если до тебя его никто не прибрал к рукам, то и после никто на него не позарится. Он не для тебя.

— Ну да, а ты знаешь, кто для тебя? — бабушка с энтузиазмом воспользовалась случаем прижучить и меня. — Вот это, что ли, соседское трепло? — она ткнула пальцем в сторону дома Альберта. — Кира, да тебе лучше Лёшки Грачёва мужа не найти, молись, чтобы позвал за себя!

— Бабуля, перестань, вся любовь с Лёшкой осталась в молодости. В одну реку дважды не войти. Он самый замечательный и верный друг, и только. А мой муж должен быть такой... как мой дед, к примеру.

— А то много ты знаешь про деда! Покойный

мог чёрта наизнанку вывернуть, — бабанька подняла глаза к небу, перекрестилась и махнула на нас рукой, — хоть обижайтесь, хоть нет, но вы, девки, умом бракованные, когда дело доходит до мужиков. Ишь, финтифлюшки! Развели тут польки-бабочки — всё бы вам по мужикам скакать! Парами надо ходить — как в контрдансе!

Маринкины глаза вновь наполнились слезами, она полезла в сумку за сигаретами.

— Маришка, ты же бросила курить. — Я смотрела, как она длинными наманикюренными ноготками вытаскивает из пачки сигарету.

— Как же, с вами бросишь!

Зажигалка в Маринкиных руках никак не вспыхивала. Марина морщилась и молча злилась, наконец кремень высек слабенький огонек. Мне подумалось, что это так похоже на их с Жоркой семейную жизнь: пожара в сердце нет, а только искра физического влечения периодически проскакивает. Но и сейчас я могла понять Маринку: её разум упорно сопротивлялся мысли, что ее назовут брошенкой, хотя всё она сама прекрасно понимала — Жорка лишь проходной вариант для нее.

— Вот череповецкие домны, вот коптилки! Сколько ж можно дымить?! — заворчала бабушка. Но, похоже, все ж сменила гнев на милость и пошла накрывать на стол. К тому же Вадик, заинтересованный, видимо, бабскими слезами и доносившимися до него Маринкиными всхлипами, с любопытством поглядывал в нашу сторону с крылечка дома.

То ли солнышко напекло, то ли нервы окончательно сдали, а может, рябиновая настойка, выставленная на обеденный стол, оказалась крепковатой, но только плотный обед с бабулиной фирменной запеченной свиной не спас нас с Маринкой от последствий бахусовых возлияний. Несколько раз ходили купаться, по традиции выли под Вадькин аккомпанемент песни про тяжелую бабью долю. Вытерпев наш концерт до полуночи, бабуля скомандовала расходиться, обозвав нас пьяными табакерками. И все ж вечер на четверых удался!

Вадик, который в тот день так и не познал крепости домашней наливки, усадил Маринку в свою машину и повез домой, я заползла в свою

комнату на втором этаже с намерением проспать до обеда, раз уж у меня образовался отпуск.

Увы и ах! Недоброе утро началось в восемь часов. Бабушка разбудила меня со словами: «Вставай скорей, сейчас будет Петрович, видно, что-то стряслось». Ну что могло случиться?! Я начала спросонья прокручивать в голове варианты: пьяная Маринка соблазнила Вадьку или, наоборот, машина упала в кювет, по дороге их ограбили?! С трудом я вылезла из постели, почему-то открывался только один глаз. Посмотрела на себя в зеркало. Черт! Лихо одноглазое! Глаз превратился в шелку, веко распухло, а возле ресниц я разглядела красный след от укуса какого-то насекомого. Хороша как никогда!..

Со двора донесся звук подъезжающей машины. Я спустилась в гостиную, услышав внизу голос Маришкиного отца. Эдуард Петрович всегда относился ко мне как к дочери, соответственно и разносы устраивал по-отечески и по полной — с чувством, с толком, с расстановкой. Честно сказать, это был единственный человек, в присутствии которого я ощущала себя нашкотившей девчонкой и на подсознательном, наверно, уровне вела себя смиренно.

— Ух, красота неземная! Вторая-то такая же?!

Я пожалала плечами. Да и откуда мне знать? Маринку с ночи не видела.

Эдуард Петрович подошёл ко мне, чмокнул в висок и сел за стол, который был накрыт к завтраку. Бабушка налила ему чай.

— Ну, было... Ну, вчера немного погуляли... Ну с кем не бывает?.. — неуверенно начала я.

— Кира, ты звонила мне ночью. Что ты хотела мне сказать?

Вот ёлки!!! Я ж ему звонила, да еще и ночью!.. Мама дорогая! Я виновато подняла единственный зрячий глаз на дядю Эдика, лихорадочно подбирая слова для оправданий, но он заговорил раньше, не дождавшись моих излияний:

— Мне позвонила мать Вадика... Под утро дэпээсники нашли его машину в пятидесяти километрах от города...

— А где сами Марина и Вадик? — встревоженно спросила бабуля, прикладывая к моему окривевшему глазу лёд, достанный из морозилки.

— Вот и я это хочу знать. Так что ты мне хотела сказать, Кира?

Пришлось выкладывать всё: и о Свете, и о Жорке, и о нашем сговоре насчёт «Снежинки». И я даже попросила Эдуарда Петровича не наказывать Вадьку.

Желваки на лице Маринкиного отца нервно заходили, на лбу от напряжения залегла глубокая складка. Он сидел как на иголках, сцепив пальцы в замок. Казалось, он готов сорваться с места, чтобы бежать на поиски пропавшей дочери, но пока находится в некотором замешательстве от обрушившегося на него потока информации. Нечасто мне приходилось видеть Эдуарда Петровича в таком состоянии.

— Иди одевайся, в город поедem, — он посмотрел на часы. — У тебя не больше тридцати минут. Ясно? И не трать время на звонки Марине — телефон все равно не отвечает.

— Да я за пятнадцать соберусь! Я только окупусь в озере, чтобы мозги на место встали.

В первые минуты на меня накатила паника. Ребята пропали! Неужели эта сволочь Жорка посмел их тронуть?! Где они, что с ними? Эти мысли взрывали мой мозг.

Визит к нотариусу был недолгим. К нашему приезду он подготовил доверенность, и требовалась только моя подпись на ней и в реестре. Расплатившись, мы отвезли доверенность в фонд госимущества.

— Кирочка, и все-таки как ты думаешь, где они могут быть? — в очередной раз задал мне вопрос Эдуард Петрович. Его тон стал почти ласковым, будто от этого хоть что-то могло измениться...

— Дядя Эдик, вы же знаете: Вадька любит Маришку. Может, их... это... ну... пронзила стрела Купидона?.. — неловко изъяснялась я, старательно подбирая слова.

Он с надеждой посмотрел на меня и устало улыбнулся:

— Хорошо бы! Эх, девки-девки, мне иногда кажется, что в вас только бабки-ёжки метелки запускают. Какие уж тут купидоны?..

— Да ладно, — мне стало немного обидно за нас с Маринкой, — не такие уж мы и никчёмные. Ну, просто выбираем, присматриваемся... Будет когда-нибудь и на нашей улице пень гореть...

— Выборщицы-переборщицы!.. Зерна от плевел отличить не можете. Такие мужики по

вам сохнут, а вы цепляетесь за всякую шелупонь.

Спустя примерно четверть часа машина остановилась у офиса Эдуарда Петровича. Я первая вынырнула из салона

— Кира, в машину и к Инессе Вадимовне под присмотр...

— Я остаюсь в городе. Будем их искать, надо подумать...

— Коля, — обратился он к водителю, — отведи и сдай из рук в руки. В машину залезай, — скомандовал дядя Эдуард.

Я забралась на заднее сиденье.

— А думать можно и в деревне. Всё! Я буду звонить, и чтоб даже в сортир с телефоном ходила. Шутки кончились, Жорик прошёл точку возврата и будет спасать свою задницу. Ясно?!

Он захлопнул дверку, Коля медленно отъехал, Петрович стоял и смотрел нам вслед.

2

Когда Николай высадил меня возле бабушкиного дома, то встречать вышли и бабуля, и Борька, и Лизка, не было только близняшек — дочек моей сестры. Они с мамой Бориски укатили к морю неделю назад. Видимо, соскучившись по нравоучительным тирадам в адрес милых созданий, первой на меня накинулась родная сестрица:

— Кирка, Вадик и Маринка пропали из-за тебя, если бы ты послушалась Борю!.. Ты опять влезла в чужие дела, ты снова не даешь покоя другим людям, ты...

— А где «здрасьте», милые родственники? — миролюбиво остановила я Лизкин поток речи и чмокнула ее в щеку.

— Дети мои, может, мы не будем оповещать соседей о наших семейных делах? — вмешалась бабушка, не любившая выносить сор из избы.

Мы молча протопали в дом. Я чувствовала, что беседа предстоит еще та, и мысленно готовила аргументы в свою защиту. Бабуля приказала нам рассестись в гостиной за столом, на котором стояли чашки, сахарница и огромный, еще горячий пирог с творогом, источавший божественный аромат. Уже кипевший

чайник забулькал, срывая крышку. На правах старшей и хозяйки дома бабуля разлила кипяток по чашкам с заваркой, села за стол и с осознанием собственной важности кивнула нам головой, словно патриций на гладиаторских боях. Это означало, что обсуждение сложившейся ситуации можно начинать. Первым начал Бориска:

– Машину Вадика дэпээсники нашли на границе областей «в мёртвой зоне». Поясняю: это два километра по старой дороге. Парни свернули нужду справить. Разворачиваться на узкой дороге не стали, проще по ней же выехать на трассу. Короче, Вадькина машина была не заперта, его телефон – на сиденье. Видимо, кто-то, кто причастен к исчезновению, решил, что случайные прохожие позарятся на мобильник и оставят на нем пальчики. Еще думаю, Маринку похищать никто не хотел. Ну кому она нужна?! Возможно, просто обозначились – посчитали, что в машине ты.

– Боря, когда мы с Маринкой тут пары выпускали, она звонила Жорке и почему-то сказала, что отдыхает в загородном клубе. Может, он еще не знает, что Маришка пропала? А её мобильник засекли? Удалось пробить, где находится абонент?

– Засекли. Еще как засекли. У нас в бане был, – бабуля с ухмылкой ткнула пальцем на кресло, где лежала Маринкина «раскладушка».

В моей сумке приглушённо затарахтел телефон.

– Маринка дозванивается, – я прямо подскочила со стула и рванула к сумке.

– Сидеть, – гаркнул Борька, – инициативу не проявлять. В машине также был найден охотничий нож, зарегистрированный, кстати сказать, где следует. По номеру выяснили – Вадика. И еще... на ноже кровь, видимо, Маринина.

– Нет, нет! Я не верю! Вадька ее не тронет! Марина жива! Жива! Жива! – причитала я, а моё бурное воображение уже предательски рисовало ужасающие картины с Маринкой в луже крови на переднем плане.

– Да при чём тут он? Машина не залита кровью, значит, ее легко ранили или, как говорится, только кровь пустили. Тело рядом с машиной не обнаружили, значит, куда-то вывезли. Думаю, их где-нибудь держат. Сейчас прочесывают лес и окрестные деревни. Ты,

Кира, сидишь дома как мышь. Ясно? – дело-вито рассуждал Бориска.

– Ясно.

– Пока все. Я – в город. Лизон остается с вами, что-то прояснится – позвоню.

После этих слов Борька взял Маринкин телефон, откланялся, не забыв на прощанье похвалить бабушкин пирог.

Лиза, в свою очередь, тоже немного поиграла в детектива, устроив мне допрос с пристрастием, но когда поняла, что ничего интересного со мной не произошло, переключилась на бабулю.

Я несколько часов слонялась по дому, пытаюсь понять, что же все-таки случилось. И все гипотезы легко сводились к нулю моими же доводами. Неожиданно зазвонил Лизкин мобильник. Сестрица взяла трубку, а мы напряженно замерли с неммым вопросом на лицах: «кто?», наблюдая, как у Лизки глаза лезут на лоб от ужаса и удивления.

– Боречка звонил... Ужас... Поверить не могу.

Мое сердце запрыгало мячиком.

– На ноже отпечатки пальцев Марины, а кровь – Вадика. Боря говорит, что это многое объясняет. Где они и что это может объяснить?! Ничего не понимаю.

Вот это новость! Марина, конечно, отчаянная, сгоряча наболтать может много чего, но чтобы ножом... А если случайно?! Да мало ли что могло случиться?.. Хотя нет, я не о том. Бесплезно строить догадки, надо думать, где искать ребят. На моё счастье, хоть разумная идея посетила мою голову.

Через боковую калитку я рванула к дому тети Вари. В ее сарайке, как я помнила, в углу за верстаком, заваленным разным хламом, давно стоял старый мопед. Дверь, как обычно, была не заперта. Стараясь не шуметь, я выкатила мопед за порог, вывела на грунтовку и, как в юности, погнала в сторону пастбищ, где еще с военных времен сохранилась немецкая батарея. Никогда не уточняла, можно ли назвать место под пушку для обстрела кораблей, выдолбленное в камне и зацементированное, похожее на бассейн с округлым дном, батареей. Видимо, завоеватели строили ее по типу римского Колизея, только под землей. Когда-то все бункеры сообщались ходами и вели к «арене-

пруд» — небольшой, почти круглой расщелине, заполненной водой. Природа этого «пруда» неизвестна. Подходы со стороны воды и охраняла эта пушка. После войны батарею пытались взрывать. В результате обвалилась только часть переходов, тогда заварили входы. Кто и когда распечатал двери чуда инженерного сооружения и для чего? Тайна.

Я отчаянно крутила педали, поднимая за собой шлейф пыли и песка. На этой дороге я знала каждую выбоину, каждый камушек. Для нас с Маришкой она была дорогой в детство, в ту пору, когда мы мечтали стать разведчицами и часто играли в войнушку, пропадая у брошенной батареи.

Отвертев педалями километра два, мы подъезжали к месту с местным названием Земляная дыра, или Щель. Это почти двадцатиметровый отвесный спуск с подъёмом. Причем Щель была длиной всего в несколько километров, словно какой-то великан протянул огромный плуг по этому месту до озера. Смелчаки спускались и поднимались, не сбавляя скорости, а мы топали пешком. Не потому, что было страшно, просто на подъем не хватало сил. Сразу за Щелью начиналась каменная гряда. И по тропинке мы шли к военному укреплению, возведённому на самом краю утёса. Выдолбленное в камне и зацементированное, оно походило на бассейн с округлым дном. Мы знали все проходы в горе, и если надо спрятаться, то лучше места не найти.

По детской привычке я припрятала мопед в кустах и направилась к берегу, ориентируясь по своему внутреннему компасу — тропинка-то уже давно заросла кустами и молоденькими деревцами. По еле заметному склону я поднимаюсь к плоской вершине, обрывающейся отвесной гранитной стеной, отшлифованной водами озера. Старики говорят, что в войну к берегу подходили суда. Возможно. Подростками мы клали булыжник в авоську и, привязав к ней верёвку, опускали в воду, пытаясь дотянуться до дна, но так ни разу и не смогли достать. То ли верёвок не хватало, то ли и правда в этом месте была яма. Еще несколько метров, и откроется такой вид... В это мгновение уловила какое-то движение справа от себя. Сработало чувство самосохранения, и я чуть-чуть подалась корпусом вперед, но почувствовала какой-то удар по

затылку, все ж не удержалась — тюкнулась носом в землю, вернее в мох, и замерла.

— Придурок, ты что, её убил? — мужчина, чей голос показался мне знакомым, склонился надо мной и пальцами искал на шее пульс. — Жива. Придурок! Тебе сказали: на-пу-гать.

— Ну что ты всё «придурок да придурок». Я думал: она миниатюрная, голос был такой нежный, зазывный. А вышла из-за кустов... Такую кобылу только поленом остановить можно. Она на две головы выше меня, — оправдывался другой голос.

Я по-прежнему не шевелилась. Подсунув под голову какую-то тряпку, мне завязали глаза и затянули запястья за спиной, видимо, ремнём.

Меня грубо схватили за руки. Я дёрнулась.

— Тихо, тихо! — заорал он. По голосу я определила, что это тот самый «придурок». — Слышь, ты, дамочка, не дёргайся, вопросов не задавай, сиди тихо, и тогда отпустим, снимешь повязку, распишу тебя ножичком.

— Вообще-то, я лежу со связанными руками... — ради справедливости заметила я.

— Ха-ха-ха, это хорошо, — мужчина со знакомым голосом хлопнул меня по заду.

Сработал инстинкт самосохранения, и я начала отчаянно выбиваться из пут и орать дурниной, чтобы он убрал с меня свои лапы.

— Что вы хотите со мной сделать? Что я вам такого сделала? Отпустите, пожалуйста! — закулила я, немного успокоившись.

Судя по их разговору, убийство не входило в их планы, но все равно было страшно, а вдруг!..

— Молчи, коза, сиди и не шевелись!

Послышался хруст сухих веток. Видимо, меня решили на какое-то время оставить в покое. Воспользовавшись передышкой, я начала лихорадочно соображать, откуда мне знаком один из голосов. Сколько времени я пролежала? С завязанными глазами вообще сложно что-либо определить. А еще в книгах пишут, что к темноте можно привыкнуть... Чёрта с два! Как же... Привыкнешь тут, когда ты можешь шевелиться только как креветка на прилавке, а страх не дает привести себя в чувство. Скорей свихнёшься!..

Не знаю, сколько времени прошло, но ко мне снова кто-то подошел. Чьи-то руки подхватили меня и поволокли куда-то, ноги совсем

не держали и беспомощно цеплялись за мелкий кустарник и путались в траве.

— Чё это с ней? — раздалось прямо над моим ухом.

— Обморок, пусть-ка искупается.

«Топить ведут!» — пронеслась мысль в моей голове, а потом я мгновенно отключилась.

— Очнулась! Ну вот и хорошо. Ладно хоть нам тут воду оставили. Да в такой темени разве ж что найдешь?.. — чьи-то руки легонько шлепнули меня по щекам.

Я протерла глаза — повязка болталась на шее. Тьма кромешная — глаз выколи. Наверно, мы в пещере — той, что с северной стороны. Я отлично знала, что во всех остальных пещерах есть крохотные выемки размером с кирпич типа окон.

— Ты кто? — вздрогнула я, когда до меня дошло, что моя голова лежит у какого-то мужчины на коленях. — Прямо одни Зорро вокруг, голоса знакомые, а кто — узнать не могу.

— Иван Сергеев. Помнишь, нас в кафе Боря знакомил?

— Помню, — кивнула я головой.

Тошнота внезапно подступила к горлу. Едва успела приподняться на локоть и отвернуться, меня вывернуло.

— Похоже, у тебя сотрясение мозга...

— Не, реакция на страх у меня такая. Тебя-то, Иван-царевич, на каком волке сюда занесло?

— А сама?

— А что я? Я здесь живу. Да двинься ты дальше, — я заметно взбодрилась, села рядом с Ваней, вытянув ноги, и принялась разгонять кровь, вращая стопами направо-налево.

— Прямо тут? Ну, тогда, хозяйка медной горы, может, покажешь, где свет включается? Чайком угостишь, а то в этом склепе скучновато, — съязвил мой собрат по неволе.

— Ой-ой, какие мы нежные, я-то думала, ваша светлость на работу, ан нет — на уик-энд приехали, — не осталась я в долгу. — Ладно, пошли к выходу.

— Куда?

— Держись за лавку, которая вдоль стены тянется, и передвигайся по ней, пока она не закончится.

Перебирая руками, мы начали перемещаться к выходу.

Раздался шум падающего тела и Ванькины чертыхания — он свалился.

— Вставай, — хихикнула я, — наступлю на голову...

— Черт, прям царство Аидово...

— Ну почти, из этой пещеры до выхода метров примерно тридцать по тоннелю. Мы в юности сюда курить бегали, а сейчас Борискина племяшка бегаёт. Так... Если крысы не сожрали свечку, то свет будет, — я опустила на корточках и стала шарить руками в углу под лавкой.

Помнится, там в углублении была спрятана железная банка из-под чая. Нашував её, достала, открыла.

— Ага, свечка есть, даже сигареты. Проклятье, спичек нет! Уши оборву!

— Кира, нам оставили коробок, но я со злости куда-то его выбросил, — робко признался Иван.

— Вспоминай, куда! — зашипела я.

Мы опустились на корточки и принялись шарить руками по полу. Хорошо, что помещение было сухое, маленькое и подметено кем-то заботливым. Наконец Ванька нашёл коробок и рассыпанные спички.

Слабенький мерцающий огонёк свечи придал уверенности, что скоро мы отсюда выберемся на свет божий.

— Кира, а ты знаешь, кому уши рвать? — начал приставать с расспросами Иван.

— Так про баночку знает только Борькина племяшка, стало быть, и её ухаждёр из соседней деревни, — ответила я, стряхивая с ладоней налипший песок.

— Кира, как ты думаешь, где можно спрятать авоську с двумя кило слив? — На мгновение этот вопрос ввел меня в замешательство.

— Ты что, совсем?.. Кому надо прятать сливы?.. Ва-аня, ты же не из-за квартир детдомовских тут. — Я все еще не совсем понимала, при чем тут сливы.

— Если знаешь, кто прячет, нетрудно догадаться где, — ответил Иван таким противным загадочным тоном, будто ему известно что-то, чего не знаю я.

Пауза затянулась. Я прикидывала, что имеет в виду Ванька. Он, видимо, размышлял, о чем можно мне сказать, а что не моего ума дело. Сгорая от любопытства вместе с огарком свечки, я вопросительно уставилась:

— Ну?!

— Кира, это не детские секреты. Тебе не надо об этом знать... Так безопаснее для твоей же жизни... — тщательно подбирая слова, выдал Ваня.

— Не тяни резину! — нетерпеливо выпалила я. — Погаснет свеча, и мы не выберемся отсюда никогда. Выкладывай, что знаешь.

Ванька еще минуту помедлил в нерешительности.

— В ваш город, — начал он, — пришла крупная партия героина, «экспедитор» сдал товар человеку по прозвищу Бабочка, который должен был, в свою очередь, передать посылку бандиту по прозвищу Око. Но Бабочка исчез, а через пару дней нашли его труп. Он всех обставил. Так что эту посылку теперь ищем и мы, и покупатели с продавцами.

— А при чём тут квартиры для детдомовцев? Ничего не понимаю! — недоуменно спросила я.

— Бабочка рулил, вернее был директором риелторской конторы, учредителями которой являются сама жена мэра, а также жёнки двух его замов. Они и должны были получить прибыль за наркоту, но их на сбыте не взяли — они сами не перевозят и не торгуют. А квартиры — это так, дамское развлечение... Через контору Бабочки квартиры для детдомовских проводили. Ты ведь сама говорила, сколько эти квартиры реально стоят и за сколько их якобы покупали. В чём кармане разница в цене осела — сечёшь?

— С квартирами понятно. Выходит, нет Бабочки, стало быть, нет проблемы?... — эмоции переполняли меня, хотелось сразу в голове разложить все по полочкам.

— Не все так просто. Товар пропал, а это очень большие деньги. И, похоже, за него ваша Коза Ностра не расплатилась, ну, или отдали не все, — Ваня помедлил и добавил. — Свеча скоро догорит, надо торопиться.

— Тут в углу есть выход к подземному озеру — только надо отодвинуть решётку.

Я просунула руку между стальных прутьев и стала нащупывать рычаг. Есть! Теперь осталось с силой потянуть его на себя.

— Давай помогай отодвинуть, сейчас такой грохот будет.

Мы потянули за решётку, и она отъехала на удивление легко и бесшумно, открыв выход.

— О, а за ней, оказывается, следят, — заметил Ваня.

Тут мне стало жутковато. Кто и зачем трогал решётку? Кому нужно было, чтобы она открывалась без усилий и лишнего шума?.. Признаться, я струхнула.

Я шагнула в нишу и протиснулась влево в узкий проем темного хода.

— Свечку давай.

Ванька послушно протянул мне свечу.

— А похоже, ты тут застрянешь, — обрисовала я Ивану его блестящую перспективу.

Пока он пытался протиснуться в узкую щель, я осматривала стены — ну, разумеется, насколько позволяло пламя свечи. На железном костыле, вбитом в стену, я заметила фонарик. Эта находка меня еще больше насторожила. Вернее порадовала, что мы теперь «зрячие», но стало жутковато от мысли, что мы тут не одни.

Наконец хорошенько обтёртый о стены и выбившийся из сил Ваня с бранью вывалился ко мне, я сунула ему в руки фонарик и сама закрыла за ним решётку.

— Не знаю, кто тут бывал до нас... Смотри — о нас позаботились... Похитители тут вряд ли до нас доберутся, но сомневаюсь, что и мы сможем выйти отсюда, — предположила я. — Вань, понимаешь, мы в ловушке.

Подсвечивая фонариком пологий спуск узкого тоннеля, осторожно ступая, мы спустились вниз к большому гроту с маленьким озерцом посередине.

— Вода попадает в пещеру, значит, выплывем, а ты что, плавать не умеешь? — попытался приободрить меня, а заодно и себя Ваня.

Примерно на высоте двух метров из двух узких трещин сочился свет, отблескивая на поверхности воды.

— Да я только по-собачьи. Тут Маришка, мастер спорта по плаванию, и то не смогла выплыть. Она пробовала, когда мы еще девчонками были, сказала: акваланг нужен.

— И что — никто и никогда ни разу?..

— Ну, один парень из соседней Макеевки сумел. Как он нырял туда, мы не видели, а вот как выныривал, видели, — ответила я, пытаюсь придать голосу как можно больше уверенности.

— И кто этот ихтиандр?

— Алёшка Грачёв. Вряд ли ты его знаешь...

— Надо подумать и сопоставить факты! Бабочка прозвище получил в зоне за то, что вир-

туозно владел ножом-бабочкой, — рассуждал вслух Иван.

— Ошибочка,— встряла я, — Лёшкино прозвище — Грач. Ни в какой конторе он не работает. С наркотой не свяжется — голову даю на отсечение. Осуждён, правда, был за драку. Бывало по малолетке... Но если бы с ним что-то случилось, я бы знала! Кто-нибудь бы точно сообщил.

— А что это ты так разволновалась? Думаешь, Бабочкой звать на зоне его не могли?

— И ничего не разволновалась! С Лёшкой ничего не могло случиться — в этом я убеждена, — отрезала я, но тревога дрожащим комком застряла в моем горле, сердце от волнения учащенно заколотилось и заставило меня на какой-то миг усомниться в моих же словах.

— Кира, а ты точно уверена, что он нырял, а не вылезал в какую-нибудь щель? — продолжал выпытывать Ваня.

— Ну, — замялась я, — мы как-то не задумывались, мы же верили в него, а Лёха нырял всегда отлично. — Я посмотрела по сторонам, словно нас могли подслушать, и тихо добавила. — Если Лёшка причастен, я могу представить, где бы он мог спрятать эту авоську «со сливами».

— И где?!

Я направила луч фонарика в угол нашей пещеры. На темной стене обрисовалось некое подобие двери. Иван забрал фонарик и выключил его, забрюзжав что-то про экономию света.

— А вот не мог бы он спрятать! Труп опознала его мать, — внезапно выложил он.

Этого я никак не ожидала — поверить в смерть Лешки было невозможно. Сердце больно кольнуло в груди, слезы мгновенно заволокли глаза. Я охнула и опустила на корточки.

Внутри скалы что-то застучало. Ванька тут же зажал мне рот и поволок к тоннелю, из которого мы совсем недавно вышли. Выпучив удивленно глаза, я уставилась на Ивана, плохо соображая, что происходит. Мне казалось, от страха и неопределенности сердце выскочит из груди. Прошло, по моим ощущениям, не более минуты. Ваня, наверно, предвидя банальную бабскую истерику, не отпускал меня и не раз-

жимал мой рот. И, как оказалось, правильно сделал. Неожиданно дверь, которую я буквально пару минут назад показала Ване, открылась, в проёме замаячил слабый свет и какая-то фигура шагнула в пещеру. Ванька, с виду неповоротливый и грузный, бросив меня, рванул к человеку, сбил его с ног своим телом и повалил. Пока тот не сориентировался, Иван плюхнулся на лежащего, придавив его всем своим весом, чтобы обездвигить и выиграть время.

— Что уставилась? Помоги снять ремень! — скомандовал Ванька и вывел меня из ступора.

Одной рукой удерживал заведённые за спину руки незнакомца, другой пытался вытащить ремень из шлёвок своих штанов. Я кинулась на помощь, он туго связал руки нашего пленника, потом подхватил его под мышки и оттащил к стене, чтобы самому отдышаться и заодно присмотреться, кто нам попался.

Это лицо я бы узнала из тысячи! Тем более что мысленно похоронила его обладателя не более четверти часа назад.

— Лёшка! Господи помилуй! — заверещала я. — Тебя же убили! — Сердце в моей груди вновь запрыгало мячиком для пинг-понга.

— Ну, привет, подруга дней моих суровых. Давно не виделись. Как видишь, жив, — процедил Лешка, все еще злясь на своё пленение. — А ты-то как сюда попала? — Он подозрительно и недобро покосился на Ваньку.

— Потом! Лёшечка, Лёша, я же знаю, что ни с какой наркотой ты никогда не свяжешься. Лёшечка, очень тебя прошу, расскажи, что знаешь, и пусть все от тебя отстанут, — затараторила я, страстно желая в этот момент одного — мира во всем мире и чтобы Леха оказался ни при чем в этой путаной истории с наркотиками.

— А теперь уже всё равно. В изоляторе меня так и так — либо вздёрнут, либо на жало, — Лёшка облизнул разбитую губу и сплюнул.

Ваня, всё это время наблюдавший за связанным Грачом, молча, недобро осклабился и с издевкой спросил:

— А с чего это ты решил, что попадёшь именно в СИЗО? Мало ли других прекрасных мест на нашей чудесной планете?..

Признаться, я совсем ничего не понимала в этот момент. Ясно было одно: Ванька и Лешка знают, о чем говорят, а мне недоговаривают. Эта недосказанность меня злила!

— Так, стойте, я ничего не понимаю! — не выдержала я. — Что вы знаете?

— Кира, замолкни! — отрезал Лешка, а потом продолжил, вперив взгляд в Ваньку:

— А с того решил, что товар уже в другом месте и никто его не найдёт. Кира ничего не знает. Меня она не торкает и предметом шантажа быть не может.

Ах, я его не волную! Ну, это ты, дружок, погорячился! Сволочь, да все мужики из-за него меня сторонятся. Видите ли, он меня опекает как брат!

— Ты хочешь сказать: она не в теме?

Лёшка отрицательно мотнул головой, а Ванька повернулся ко мне:

— Кира, ты говорила про возможный тайник. Где он?

Я показала на проём, из которого вышел Лёшка:

— Посмотри там.

Иван шагнул туда и исчез из поля моего зрения.

— Кира, — тихонько позвал Лёша, воспользовавшись тем, что Ванька вышел, — развяжи меня, если не хочешь быть налимьим обедом.

Я нерешительно присела рядом с ним. Что делать, черт возьми?! Эти двое знают, чем дело связано, а я?! Вот и выбирай из двух зол с закрытыми глазами. И не знаешь, какое обернется меньшими неприятностями на мою кудрявую голову. Ой, какая же я дура! Кто такой Ванька — не знаю, а Лёха, даже если бандит, все равно свой... Пока я соображала, мои пальцы уже пытались снять ремень с запястьев Грача. Руки не слушались, в голове шумело, как в трансформаторной будке. Лёшка внезапно отпрянул от меня, а я от неожиданности резко выпрямилась, голова закружилась, я не удержалась и сползла по стене, благо что она оказалась как раз за моей спиной. Луч света ослепил меня — это Ванька протиснулся в проем и направил на нас фонарик. Он, наверно, был занят своими мыслями и не понял, что я пыталась освободить Лёху.

— Ну что ж... Ты, как я погляжу, решил не отдавать то, что я ищу?... Нехорошо-о-о! Ой, как плохо! — обратился Иван к Грачу, растягивая слова. — Но хозяин, как известно, барин... А ты, Кира, забыла, что обманывать серьезных людей себе дороже?... Ты пока остаешься тут в целях самосохранения.

Я согласно мотнула головой — ничего друго-

го мне не оставалось. Можно подумать, если не соглашусь, то он возьмёт меня с собой...

— Боря, думаю, был бы рад, если бы узнал, что я тебя тут припрятал хоть на какое-то время. Вот только компания уголовника для такой барышни неподходящая... Боренька ваш бы не одобрил, — Ванька подозрительно пошарил глазами по пещере.

У меня мелькнула догадка — он что-то затеял. Я кинула взгляд в Лёшкину сторону — для кого как, а для меня он друг детства, можно сказать, брат. В детстве Лёшик всегда опекал меня, от больших мальчишек защищал, за это бабуля подкармливала его шоколадом, которым её периодически одаривали благодарные пациенты. А сейчас он лежит и молчит. Хоть бы ругнулся — голос подал...

— Так, значит, до города примерно час и обратно, — размышлял вслух Иван. — Итого — в лучшем случае два часа займет. Долго! Кира, ты будешь его сторожить, — его глаза впились в меня, как два комара, казалось, он пытается прочитать мои мысли.

— Твои проблемы. Я караулить не буду! И какое право ты вообще имеешь мне указывать?! — взбеленилась я.

— Не хочешь, а придётся, — с этими словами он приблизился ко мне.

Я не знала, чего ждать — то ли саданет в глаз беззащитную женщину, то ли обыщет, то ли... А кто его знает?! Пока я недоуменно хлопала глазами, прикидывая, чего опасаться, Ванька больно заломил мне руки за спину — я ойкнула и стала возмущенно вырываться, но силёнок не хватало.

— Извини, но эти меры предосторожности для твоего же блага. — Он деловито стал связывать мои руки какой-то склизкой веревкой, непонятно откуда взявшейся.

Пришлось подчиниться, понимая, что скандалить бесполезно. Эх, и все это из-за Лешки-гадюки, не появись он, я бы... была свободна!.. А теперь свободен только рот — руки связаны, ногам уйти некуда. Хоть ругайся во весь голос, хоть песни до одури ори...

Ванька тем временем зачерпнул воды и облил веревку, которой были связаны мои руки, немного потоптался, в очередной раз проверяя, все ли сделано, чтобы мы с Лёшкой никуда не сбежали, и ушел. Правда, заботли-

во оставил нам включённый фонарик. Зачем — непонятно... Для чего в нашей ситуации свет?.. Еще бы приложил томик Пушкина, чтобы мы могли насладиться бессмертными строчками...

Ну что ж... «Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе, орёл молодой...»

Нам еще в школе учительница литературы талдычила: «Пушкин — провидец». Только полжизни назад и я представить не могла, до какой степени!

Чтобы успокоить нервы, я сначала ходила по кругу, как цирковая лошадь, с шумом втягивая через ноздри воздух и наполняя лёгкие, затем открывала рот и тихо выдыхала. Наконец «мой грустный товарищ» не вытерпел длительного молчания:

— Вот на кой ты показала ему пещерные переходы?! А?! Ну, сидела б с ним в той конуре на лавке, пока его сон не защежит, потом бы тихо выбралась. Так нет же! Надо было приволочь его сюда!

— Слышь, ты, умник, умолкни! — обозлилась я. — Это ты сюда наркоту приволок, а не я, и теперь все на нее охотятся!

Нет, вы посмотрите! Я тут уже столько натерпелась, а он еще в чем-то смеет меня обвинять! Мне хотелось одного — со всей дури шарахнуть ему по физиономии. На Лёшкино счастье, сделать это связанными руками не представлялось возможным.

— Какая, к чертям, наркота! — вскипел он. — Из-за двух кг такой кипеш! Этот цветной луну крутит. Не верю! Версия для слабоумных.

— Так! — гаркнула я. — Ты, ума палата, интеллектual недоделанный, поведай безмозглой, тогда что тут все ищут-то?

— Передохни, — Лёшик сменил тон на более примирительный. — Давно уж не виделись... Столько лет прошло... Встретились и ну цапаться... Давай-ка лучше думать, как выбираться отсюда.

— А то ты не знаешь как?! Интересно только, как со связанными за спиной руками можно подняться хоть и по довольно широким уступам, но на двухметровую высоту? Этот козёл Ванька выгреб всё, что было в моих карманах, — даже шпильки никакой не осталось.

Лёшка заржал во весь голос. Мне вот в такой момент веселиться не хотелось.

— Ну, давай садись к моим ногам, массаж делать будешь!

— Сдурел! С какой радости, стесняюсь спросить?! — я обалдела от таких вольностей.

— Не сдурел! Сними с меня левый ботинок и подай мне.

Я медлила. Огребёт еще потом этим ботинком. Кто знает, что у него сейчас на уме?..

— Ну, что застыла? Давай шевелись! Времени мало, — торопил Лёша.

— Ладно, черт с тобой — выхода нет, — пришлось выполнить его указание.

Неловко скособочившись, Лёшка подтянул ботинок за спину — к своим связанным рукам, вытащил стельку из ботинка, а затем кусок пилки, как я разглядела, сантиметров в пятнадцать длиной.

Я молча повернулась к нему спиной и, насколько могла, приподняла затянутые запястья, чтобы он попробовал перерезать веревку.

Верёвка, по моим ощущениям, была ветхой и изрядно чем-то промасленной. Лёшке пришлось хорошо попотеть, пока путы не спали с моих рук.

Я немного размяла затекшие запястья, пытаюсь восстановить кровообращение.

— Что ж... Кусок пилки по металлу оказался бессилён перед фирмой. Кожаные ремни сейчас делают ого-го какие. Так что, пожалуй, я пойду, пока, Лёшечка! — подразнила я его и сделала вид, что собралась валить из нашей тюрьмы.

— Кирка, стой! Стой, Кирка! Ты так не поступишь! — понеслось мне вслед.

Я обернулась. Лёшка молящим взглядом жалобно глядел на меня.

— Не сделаю, но при условии, если ты расскажешь тайну этой пещеры, — я решила ковать железо, пока горячо, и, воспользовавшись случаем, вытянуть из Лёшки информацию.

Тот помялся, но сообразив, что я сейчас хозяйка положения и нужно играть по моим правилам, начал выкладывать:

— Ладно... Ты знаешь, почему на берегу нашей «лужи» построены такие укрепления?

— А ты знаешь?

— Во время войны на нашей земле оккупанты тайно добывали разные самоцветы: аметисты были, гранат, хризолиты... Да много чего у нас тут было! О кимберлитовой трубке знаешь, ну, слышала в школе. Там алмазы. Была и

лампроитовая трубка, или трубка Аргайла. Об этой ты вряд ли слышала. Так вот там — редкие розовые алмазы. Все знают, что источник где-то совсем рядом, только найти его никто не может. А здесь ищут кожаный мешок, в котором должна лежать карта. А еще розовые алмазы, брошь из звездочного сапфира «Небесный свод» — огранка кабошон (без граней) размером с куриное яйцо с шестью лучами. Перстень «Фаворит» — рубин с александритовым эффектом. Его даёт небольшая примесь ванадия. И ещё какие-то вещицы.

Лёшка с таким упоением и мельчайшими подробностями рассказывал о той злосчастной сумке и украшениях в ней, что мне на миг показалось, что он бредит наяву.

Я не сдержалась и съязвила:

— А десять заповедей на сапфировых скрижалях, подаренных Яхве Моисею, случайно тут не спрятаны?

Лёшка умолк. Тем не менее договор дороже денег — я начала пилить ремень, чтобы освободить его руки.

— Лёшка, про камни ты откуда знаешь?

— У каждого свои институты, на зоне библиотечкарем был.

— Ишь ты, какой начитанный. Ладно, подвигай руками — ремень разрежала.

Не зная, верить ли Лёшкиным бредням или списать их на душевные треволнения, я решила пока больше его не пытаться.

Без лишних разговоров через проём в стене мы выбрались из пещеры наружу.

Признаться, мысленно я уже сидела в бабулиной кухне за столом и ждала ужина. Хватит с меня приключений. Домой! Задушевные разговоры с Лёшкой можно оставить и на завтра. Однако, видимо, у него были совсем другие планы. Он схватил меня за руку и потянул за собой по тропинке в глубь леса.

— Я ничего уже не понимаю. Куда ты меня тащишь?! Всё, хватит, я — домой! У бабули отсижусь, — моё возмущение вырвалось наружу, и я начала вырываться.

— Два Аякса теперь мы с тобой, Кируха! Ты хоть врубилась, чего добилась? Мои откровения для тебя — это... — Лёшка провёл большим пальцем по моему горлу. — Так что врубаем шестую передачу и жмём на газ! Всё, всё потом — и разговоры, и целования с обниманием.

Он на самом деле еще больше прибавил шагу, ну и я, соответственно, за ним.

— С этим — не ко мне, а к своим гламурным кралям, — обиженно прошипела я.

Пока мы, словно лоси, неслись по лесу по направлению к болоту, я уже и думать забыла про первый свой порыв — вернуться к бабушкиным кастрюлям. Видимо, на бегу голод выветрился, и любопытство — а что будет дальше? — одержало победу над страхом. Лёшка бежал впереди по каким-то одному ему известным тропинкам. Я — следом, ветки больно хлестали по лицу и цеплялись за одежду, босоножки утопали во влажном мху, хвоя набилась в обувь и покалывала ступню. Хорошо хоть утром шпильки не нацепила... Кто ж знал заранее, что мне предстоит такой марафон с препятствиями? Но эти вынужденные неудобства были ничем в сравнении со страхом, что все рассказанное Лёшкой окажется правдой.

— Не могу больше! — выдохнула я, как рыба хватая воздух ртом.

Еще несколько шагов — я запнулась за кочку и растянулась во всю длину, хорошо, что мягкий мох смягчил падение. Сердце растягивало грудь, в голове гудело, и жалость к себе бесильным завыванием вырвалась из горла.

— Кирка, замолчи, не ори! — попытался командовать Лёшка.

Но очередной вопль прозвучал ему в ответ — я не могла себя контролировать от усталости.

Внезапно Лёшка влепил мне увесистую пощечину — это меня немного отрезвило. Такого панибратства я потерпеть не могла. Захлебнувшись своим криком, я ошалело уставилась на него и завизжала на весь лес:

— Не смей меня трогать!!!

— Чё орёшь, дурища?! — перебил Грач. — Ты, видно, очень хочешь, чтобы с тебя спросили и «конторские», и авторитеты, и даже менты? Меня из-за этого сначала в зону закинули. Потом наркоту с квартирами прилепили. Когда я понял, что меня вверх копытами ставить будут, исчез. Вопрос: кто так расстарался, что даже родная мать в убитом признала меня?

После таких излияний пылу у меня поубавилось и мозги немного встали на место.

— Алексей, а я тебе зачем нужна? — робко спросила я.

— Я хоть и урка, но добро помню. Нас троих мать поднимала, денег не было. Инесса Вадимовна коробки конфет, шоколад отдавала мне, говорила, у вас с Лизкой на сладкое аллергия. Тётя Маша Иванова в сельмаге по доброте душевной брала у меня сладкое на продажу, а взамен давала хлеб и макароны...

Лёшка отвёл глаза, видно было, что ему неловко об этом вспоминать.

— Лёшик, прости... — мне тоже стало неловко за свои детские домыслы. — Мы с Лизкой завидовали тебе, думали, ты все один лопаешь.

— Ладно. Проехали. Дело прошлое. Вставай давай и пойдём.

Я поднялась и отряхнула с шортов налипшую траву. Лёша подошел ко мне и ласково пригладил сбившиеся на макушке кудри.

— Кирка-Кирка, — голос его стал мягким, будто разговаривает с ребенком. — Сколько себя помню — все время любил тебя, — сказал он и потрепал меня по щеке.

Почему-то мне было приятно это слышать от него, и, сама от себя не ожидая, я выпалила:

— А теперь?

На меня внимательно смотрели темно-серые глаза с лёгкой восточной раскосостью. Кончики ресниц и брови, выгоревшие на солнце, золотились на загорелом лице. Четко очерченная линия слегка обветренных губ... Сложно было оторвать взгляд от его лица. Господи, наваждение моё! Какой красавец стал! Где раньше мои глаза-то были?!

— Чего уставилась? — на его лице мелькнула лукавая улыбка. — Не могут вместе гнездиться ворон и жар-птица. Потопали.

Я послушно поплелась за ним, стараясь привести в порядок внезапно нахлынувшие чувства и эмоции. Не помню, сколько времени мы шли молча. Когда сердечко моё девичье немного успокоилось от амурных волнений, я в очередной раз стала мысленно раскладывать по полочкам события последних дней. И тут вспомнила! Светка! Что же будет с ней, с бедной сиротой, она же совсем одна!

— Лёш, Лёшик, — жалобно заскулила я. — Они же Светку убьют...

— Не дёргайся. Кому она нужна, твоя Светка? Пусть учится у Варвары жизни, — успокоил Лёша.

Я подозрительно выпучила на него глаза от

удивления. Хотелось спросить, откуда он знает, что она на острове, что за ней присматривает Варвара, но он опередил:

— Откуда знаю, что у Варвары? Сорока на хвосте принесла весточку. Мой питерский знакомый вместе с Альбертиком или Адольфиком — не помню, как там его — короче, с твоим соседом, — Лёшка как-то хитро посмотрел на меня. — Артель искателей той карты и камней драгоценных образовали, да только трёпу много — толку мало.

— Точно он, Альберт! Сразу и не узнала, — потрогала затылок, от сукровицы волосы слиплись. — Значит, это твой дружок меня по башке долбанул! Коротышка чертов!

— Все, что больше ста пятидесяти сантиметров, его раздражает — закомплексованный!

— Слышь-ка, а это не по твоей просьбе они должны были меня пугнуть?

— Я вообще не ожидал тебя тут увидеть. И чего ты сюда притащилась?

— Маринку искать. Она была у меня вечером, с Вадькой уехала. Утром нашли машину, телефон и нож с Вадькиной кровью. Вот и подумала, что они тут прячутся.

Тем временем вокруг посветлело, лес отступил, и мы подошли к болоту, окруженному редкими деревьями.

— Про Маринку ничего не знаю. — Лёша остановился. — Устала? Садись на сушняк, отдохнём и будем переходить топь.

Мы уселись на поваленное сучковатое дерево, заросшее серебристым мхом. Ноги мои, не привыкшие к таким марш-броскам, гудели от усталости. Солнце припекало и разморило так, что хотелось прилечь, но пока и мечтать об этом не приходилось. Минут десять сидели молча, я прикрывала веки и млела под солнечными лучами. Лёшка первым нарушил тишину:

— Кир... — он помедлил. — Могу я тебя попросить?

— Конечно. Проси. — Я повернулась к нему, он сидел с опущенной головой и будто разглядывал свои кроссовки, испачканные зеленой травой и пылью.

Лёшка выпрямил спину, поднял голову и приблизил ко мне смуглое и смущенное лицо. Его дыхание обожгло меня.

— Кир... Поцелуй...

Договорить я ему не дала. В это мгновение я

плохо контролировала себя, и Лёшке не пришлось повторять свою просьбу. Его губы действовали на меня как магнит — я с жадностью поцеловала его. Сама от себя не ожидала, но, казалось, я целую мужчину в первый раз, будто я всю жизнь искала губами именно его, Лёшкины, солоноватые губы, будто мои девчачьи сны вдруг ожили. Он обнимал меня за плечи и шептал:

— Девочка моя, милая моя... Любимая...

Оторваться друг от друга было невозможно. К черту время! Много бы я могла отдать за то, чтобы снова пережить те минуты сердечной эйфории с Лёшкой...

Из леса до нас стали доноситься треск веток и чьи-то приближающиеся шаги. Лёша даже не успел расцепить объятий, как из зарослей елового молодняка буквально в пяти метрах от нас показался Борька. Вот уж кого мы не ожидали увидеть — так это его! Видимо, он заметил нас раньше, чем мы его, и стал свидетелем наших нежностей.

— Прошу простить, извините, миль пардон, — с оттенком усмешки на лице распинался Бориска. — Но на любовь у нас нет времени, еле вас нашёл.

Лёша наконец выпустил меня из объятий и поднялся навстречу Боре.

Последний немного покопался в рюкзаке, который держал в руках, и вытащил из него какой-то белый конверт.

— Лёшка, вот тебе письмо от Инессы, рюкзак, — протянул Борька сумку. — У тебя минут тридцать, может, чуть больше, если повезет... Контторские поднимут пожарную вертушку, и тебе не уйти... Ну, не маленький, сам знаешь...

Я ничего не понимала! Нет, точнее, я всё прекрасно понимала, что может произойти и кто угрожает Леше, но в моей голове никак не укладывалось, как я могу сейчас вот так просто с ним расстаться... Глупое бабье сердце во мне воевало с разумом... Я чуть не разревелась от такого поворота событий. Вот вам и душещипательный финал в лучших традициях Болливуда...

— Лёша, Лёшенька, я с тобой! — от безнадёги возбужденно зашептала я, дергая Лёшу за руку и пытаясь поймать его взгляд.

— В уме повредила! Нет! — отрезал он, а потом смягчился, взял моё лицо в свои ладони и стал увещевать, как ребенка. — Кирочка, девочка, судьба распорядилась по-другому. Тебе

никак нельзя со мной. Там опасно. Ты должна быть счастливой. У тебя должна быть спокойная жизнь, семья. Успокойся, так надо — дорожки наши расходятся.

— Лёш, ну почему?.. Почему ты столько лет молчал? Почему позволял относиться к тебе как к брату? Неужели ты думаешь, что я такая стерва, которой нужны только деньги? Дурак, дурак! — ревела я навзрыд в его объятиях и колотила его кулаками в грудь, осознавая свое полное бессилие что-то изменить.

— Кира, прекрати! — гаркнул Борька. — Хватит истерик!

— Кирочка, — Лёшка прижал меня к себе, — мы сейчас должны сделать все так, чтобы у тебя не было проблем. Слышишь меня?

— Хорошо, — глотая слезы, я через силу пыталась взять себя в руки. — Что надо делать?

— Кира, ты лучше посиди, а мы с Борей «утопленника» смастерим. — Видя в моих глазах недоумение, грустно добавил: — Надо, чтобы они подумали, будто меня поглотила топь.

Лёша высвободился из моих объятий, достал из рюкзака небольшой кожаный мешок:

— Кира, вот его все ищут, — плеснул в мешок коричневой воды. — Вода спрячет и карту, и все ее тайны.

Он прикрепил мешок к палке и принялся с её помощью подвешивать его на сучок сосенки, нависшей над топью. Бориска тем временем достал пластиковую бутылку и, наполнив её водой, плотно закрутил пробку. Потом достал термос без крышки, прикрепил скотчем к бутылке. Все сложил в сетку-авоську, завязал ручки и поставил у края омота:

— Вот, Кира, весной люди чучело Масленицы мастерят, а у нас — чучело Лёхи. Трясина будет поглощать авоську, а термос пускать пузыри, пока не наполнится водой, имитируя утопление.

Наконец Лёша повесил мешочек над чёрной водой.

— Боря, — обернулся Лёша и сказал серьёзно, — ведь не было там наркоты, я никогда бы с этим не связался...

— Да ладно тебе, знаю, что подставили. Столько лет знакомы — я не сомневался...

Борька бросил нам: — Прощайтесь, — и отошел в сторону, чтобы не мешать.

Лёша заглянул в мои глаза. Они опять на-

полнились слезами, и всхлип предательски сдавливал грудь. Он потрепал меня по волосам, поцеловал в висок и сказал:

— Долгие провода — лишние слезы.

Его голос дрогнул, он поспешно отстранился от меня. Пытаясь придать себе нарочито небрежный тон, прибавил:

— Эх, не судьба мне, видно, жениться!.. Второй раз умирать надо. Борис, ты присмотри за ней, — старательно избегая встретиться со мной глазами, Лёша отвернулся и пошёл, не оборачиваясь, к топям.

Ноги мои подкосились, и я опустила на мягкий мох, меня колотило от страха за Лёшку, я ничего не могла с собой поделать, только перекрестила его спину на прощание в надежде, что когда-нибудь мы снова встретимся. Солёные слёзы, размазанные по лицу, щипали кожу. Я прикусила губу, чтобы сдержать рыдания, а Лёшкина фигура скрылась среди кустов, обрамлявших болото. Дальше были зыбучие топи. Лёша ушёл. Теперь можно было по-выть в голос по-бабьи — просто так, без цели, лишь бы только вырветь боль от потери, которая могла стать судьбой.

Спасибо Боре — он не мешал мне и не торопил. Хотя могу представить его удивление — я никогда не слыла в семье слишком сентиментальной. Признаться, я сама не могла подумать, как круто может измениться моя жизнь всего за несколько дней и каким морским узлом она свяжет меня и Лёшу, потому что я сама понимала: жить дальше, как прежде, я уже не смогу — моё сердце бьётся теперь в другой тональности.

Борька участливо протянул мне пачку бумажных платочков и зеркало, прозрачно намекая, что пора двигаться в сторону посёлка. Пока я пыталась привести в относительный порядок своё лицо, краем глаза заметила, что Бориска тревожно озирается по сторонам. Из леса все ближе и ближе стали доноситься голоса. Борька зачем-то достал из кармана джинсов пистолет и выстрелил в воздух, затем выждал минутку, когда люди появятся в нашем поле зрения, и бросил авоську в омут. Несколько человек во главе с Ванькой на всех парах летели в нашу сторону, но, когда подбежали, над сеткой-авоськой уже пару раз булькнуло, и тёмная вода снова мёртво остекленела.

Ваня ошарашенно вытаращился на Бору, потом перевел взгляд на то место, где только что утонула авоська, и в ужасе выдохнул:

— Ты!.. Ты... что наделал?! Он нам нужен живой! — Ванька схватил Борюсика за грудки и попытался тряхнуть.

Бориска со спокойствием удава, без лишних усилий вывернулся из недружественных объятий и произнёс:

— А иди ты... Надо, так брал бы сам...

— Иван, смотри, — позвал здоровенный мужик в спортивном костюме, показывая на мешочек, висевший над водой. — Достать надо, пока не упал.

Они засуетились и начали возиться с мешком, а Боря, воспользовавшись тем, что до нас уже им дела мало, сказал им, что мы уходим. Ванька махнул рукой: мол, убирайтесь. Мы и пошли. Я была настолько уставшей и эмоционально вымотанной, что молчала всю дорогу и даже думать не могла о всем пережитом. На автомате ноги несли меня в посёлок к дому бабули.

Дома, на моё счастье, ко мне никто не приставал с разговорами. Я вымылась и спустилась на первый этаж. Достала из буфета бутылку водки, две рюмки, из ящика стола — припрятанные сигареты и вышла на террасу, где за круглым столиком сидела бабуля. Она внимательно посмотрела на меня:

— За что пьём?

Я пожала плечами и молча налила водку в рюмки.

— Ну что ж, давай просто выпьем, подожди — хоть закусить принесу.

Пока она ходила за съестным, я залпом опустошила рюмку. Водка ударила в голову, я села за стол, перевела дух и закурила.

— На вот, хоть запей, — вернувшаяся с закуской бабушка подала мне кувшин с соком.

— Бабуля... Ну, почему?.. Почему так?.. — жалобно заскулила я, подперев голову руками.

— Ты сама предложила ему игру «брат-сестра», он принял её. Доигралась в братскую любовь. Как кавалера ты его не воспринимала, а он каждый твой взгляд ловил влюбленными глазами. Вы же молодые глупые были — вам всем принцев подавай, а он обыкновенный мальчишка, уличный... Да ещё папаша твой зудел, что не отдаст вас с Лизкой замуж за голодран-

цев. А сам-то, прости Господи, забыл, каким я его в семью принимала... Вот Лёшку и понесло глупостями заниматься — клады искать...

— Только бы остался жив... — я пыталась проглотить слезы, стоявшие комом в горле. — Через эту проклятую топь хоть кто-нибудь проходил?

— Ну... Деточка... На всё воля божья — это для тебя не новость.

Как в детстве, я спрятала лицо на тёплой бабушкиной груди и крепко обняла её.

3

Два дня я провалялась в постели и даже не выходила на семейные обеды. Не хотелось ни с кем разговаривать. Видимо, настала пора подумать о себе и провести ревизию собственной жизни. Давненько я этим не занималась... Я в сотый раз за последние дни мысленно просила у Лёши прощения за своё детское малодушие и молилась, чтобы он был жив.

На следующее утро я проснулась поздно — ближе к полудню. Меня разбудил шум голосов и хлопающие двери на первом этаже. Набросив халат, я спустилась вниз. Посреди гостиной стояла Маринка! Живая и невредимая! А еще загорелая до такой степени, что даже нос облупился. Глаза светятся, в каком-то пестром курортном сарафанчике, без косметики — красивая. Визжа, мы бросились обниматься. Вот уж о ком я и думать забыла в последние дни, утонув в собственных амурных переживаниях, — так это о ней. И, как оказалось, не напрасно — за нее беспокоиться точно не стоило. Чуть в сторонке, наверно, чтобы не мешать нам, стоял какой-то высокий широкоплечий брюнет, которого я раньше не видела. Маринка взяла его под локоть и сказала:

— Кира, знакомься, это Павел, я его в лесу нашла.

Мужчина галантно кивнул мне и улыбнулся.

— Паша, это моя любимая подруга Кира.

Церемонию представления мы завершили рукопожатием.

Бабуля взяла ситуацию в свои руки, чтобы новый гость не чувствовал себя неловко, потому что нам с Маринкой нужно было посекретничать о своём, о девичьем.

— Павел, садитесь к столу, — позвала бабушка. — Они теперь, пока не натрещатся, ни на кого внимания не обратят. Расскажите о себе.

Моя мировая бабуля принялась потчевать гостя чаем с пирожками, а мы поднялись ко мне.

Маринка рассказала мне такую душещипательную историю, в которую трудно было поверить. Сам собой напрашивался любопытный сюжетец для слезоточивого дамского рассказа с обязательным хеппи-эндом в объятиях молодого Аполлона. Тумблер в моей голове переключил всё внимание от собственных тревог на Маришкины приключения, а воображение дорисовывало те детали, о которых она забыла или умолчала. Я, конечно, не претендую на лавры убийственно плодотворной Барбары Картленд, но если бы у меня хватило терпения сочинить что-то большее, чем несколько тысяч печатных знаков для нашей газеты, то я могла бы развлечь читателя историей в таком духе.

Чуть приоткрыв глаза, Марина увидела шагах в пяти от себя огромного парня в камуфляжных штанах и майке, пробующего ногтем, острое ли лезвие у его огромного охотничьего ножа. Что этот тесак был охотничий, она точно определила: у её отца, который частенько ходил пострелять в лес, были примерно такие же.

Заметив, что спящая красавица томно приоткрыла глазки, парень с ножом в руке поднялся с ящика, на котором сидел, и направился к ней. Видимо, наша принцесса в тот момент видела только здоровый тесак в его руках, а не ожидала поцелуя, который окончательно пробудит ее ото сна.

Марина от страха вдавилась в неструганые доски, на которых лежала, и испуганно заверещала, что папа у неё богатый и её не надо убивать, потому что папа заплатит любые деньги и за неё, и за Вадика.

Парень посмотрел на нож в своей руке и, посмеявшись, сунул его в ножны, висевшие на ремне под коленом.

— Дура, никто резать тебя не собирается! Нет тут никакого Вадика. И ты не знаю откуда взялась на берегу реки.

В голосе нашего принца не было ничего зловещего. Его приятный добродушный басок обласкал бы ухо многих одиноких дам. Сооб-

разив, что бояться нечего, Маринка рассказала ему, что, когда они с Вадиком выезжали на трассу, их ослепили фары другой машины, пришлось остановиться. А дальше все как в кино. Вадьку тюкнули по башке, ей тоже досталось по шее. На каком-то мосту сбросили в воду. Течение было, на ее счастье, не бурное, но река довольно глубокая — трудно было выбраться на берег. Наша принцесса оказалась мастером спорта по плаванию и, побарахтавшись в воде с полчаса, она выплыла к отмели, а не то бы река унесла черт знает куда.

Выслушав её рассказ, парень эффектно прищурился, как молодой, но уже матёрый волк, усмехаясь, встал и вышел, бросив на ходу:

— Сейчас чай и поесть принесу.

Эх, всё-таки, наверно, с принцем я погорячилась. Со словом «принц» у меня ассоциируется некое эфемерное утонченно-бледное создание с робким затуманенным мечтой и поэзией взглядом. Короче говоря, интеллигент из сказки. Маринкин был скорее былинный богатырь — простой, добродушный, крепкий.

Марина попыталась встать со своей лежанки. Наверно, одеяние удивило ее, ведь на ней была огромного размера рубаха, чистая, но изрядно поношенная, явно не предназначенная для принцесс, которым взбрело в голову прикорнуть в этой постели. Маринкина голова стала заполняться обрывочными воспоминаниями о вчерашнем. Что она могла вспомнить?.. Как плыла по течению реки, Вадик вроде бы тоже грёб где-то позади... Хоть и мастер спорта, а все ж выбилась из сил, зацепилась за корягу, выползла на отмель — вспомнила. Дальше — провал в памяти.

Голова раскалывалась, Марина присела на табуретку. Вошёл парень, поставил на колченогий стол кружку с дымящейся жидкостью, хлеб и кусок, похожий на сыр.

Достал откуда-то из-под стола и расстелил маленькую салфетку. Снова вытащил свой страшный нож и стал нарезать хлеб и делать бутерброды.

— Гляжу, ты не на памяти. Давай знакомиться по новой. Павел, можно Паша.

Маринка села к столу, все-таки желудок напомнил, что его давно не кормили. Она принялась — жидкость в алюминиевой кружке пахла сеном. Паша вопросительно уставился на нее.

— Марина, замужем, детей нет. А что это?

— Пей тебе говорят. Авось не отравлю, — он добродушно рассмеялся. — Чай травяной, силы прибавляет.

Презрительно наморщив нос, Марина отхлебнула из горячей кружки отвар, а Паша тем временем рассказывал, что живет один, на отшибе, что до ближайшей деревни часа четыре пешком, что присматривает за лесом, сажает деревья... Да много чего, что входит в обязанности лесника.

Идиллическая жизнь в лесу, в единстве с природой, как, впрочем, и работа в планы Маринки никак не вписывалась. Пофырчав, как можно жить вдаль от цивилизации, с зайцами и волками в компании да еще и пить такую гадость, она отодвинула кружку с травяным питьем в сторону.

Такой дерзости Пашка не спустил и не остался в долгу. Вспыхнув, с трудом сдерживая гнев, он заявил, что Маринка может двигать на все четыре стороны, не рассчитывая на его помощь. Гостья испуганно хлопала глазами, мысленно представляя себя уже чуть ли не Красной Шапочкой, которую послали прямым путем к серому волку.

Довольный произведенным эффектом, новый знакомец предложил Марине поработать во благо родины — сходить на делянку, посадить хоть пару десятков ёлочек.

Конечно, изнеженная Маринка была в шоке от таких непристойных порядочной даме предложений. Однако, хорошенько поразмыслив, излив на своего спасителя не один ушат ругательств, она смирилась, что труд во благо российских лесов неизбежен.

— Садюга! — только и вырвалось Паше в спину, когда тот направился в сени.

Спустя пару минут она пошла за ним. В конце концов, находиться одной в чужом доме ей не улыбалось. А тут хоть кто-то живой рядом...

На улице она огляделась. Что тут скажешь?.. Хоромы да и только. Нет, ну с виду-то понятно, что хозяин дома с руками. Домик крепенький, ухоженный. Но особняки Рублевки были Маринке всегда милее.

Пашка с корзиной, накрытой тряпкой, появился в дверном проеме сарая, он вручил нашей принцессе небольшой металлический совок и резиновые сапоги, наверно, выдав-

шие много ног. И что оставалось?.. Только переобуться...

...С полкилометра они шли по высокой траве. Наконец молодая поросль елей сменила редколесье. Понятно — почти пришли. Урок по высадке саженцев Марина освоила, только не могла взять в толк, почему это нельзя было сделать весной.

До трудотерапии ей казалось, что спортзалы, всякие шейпинги, йоги и так далее дают силы и выдержишь любую физическую нагрузку. Фиг! Наутро Маринка еле поднялась с кровати. Сколько она там работала, а все тело ныло, ноги трудно было согнуть, и шея болела ещё больше. Она обрадовалась, что Павел не взял её на работу. После его ухода поспала почти до полудня, потому что когда выползла на улицу, солнце было прямо над головой. Хотелось есть, а Павла нигде не было. Она покричала его и вернулась в избушку. На столе под полотенцем нашла хлеб, уже холодный чай, баночку мёда. Так, от стола на улицу и обратно, прослониалась до вечера. Одна в лесу, вокруг ни души... В какой-то момент Маринка почувствовала себя героиней фильмов ужасов, казалось, что каждый куст шевелится и чьи-то глаза наблюдают за ней.

Хозяин вернулся в дом лишь к ночи. Маринину возмущению не было предела — ее одну бросили в лесу, с зайцами, волками, ёлками!.. Паше пришлось выслушать тираду о том, что нельзя бросать одну женщину в лесу на съедение кровожадным лесным зверюгам! На то он презрительно усмехнулся одними кончиками губ и, не вступая в перепалки, приказал Марине заткнуться и идти спать.

С воплями о Пашином жестокосердии и неджентльменстве, дремучести она все же поплелась спать, убедившись, что продолжать дискуссию он не намерен.

Перемирие утром все же наступило. И Пашка рассказал, что он узнал, чья она дочь. Потом нашёл её отца, тот попросил на несколько дней спрятать Марину в лесу, пока не разберётся с её мужем. Вадик тоже где-то пересидит время. И что ей придётся пожить в сторожке, пока Эдуард Петрович не разрешит вернуться.

Тут Маринка от радости, что папенька уже

предпринимает действия ради спасения любимого чада, расцвела и даже успокоилась. На какое-то время. Видимо, приняв свое пребывание в лесу как неизбежность, она нашла себе другое занятие... Ха, еще бы... Когда рядом такой красавец, который принципиально не реагирует на ее чары, что оставалось?.. И Маринка начала выстраивать стратегии... Как оказалось, стратег из нее более успешный, чем лесник, иначе бы сегодня в дом моей бабули она пришла без такого мужчины...

В свою очередь я рассказала, вернее перечислила, свои приключения. Напоследок набрала воздуха в грудь и наконец произнесла:

— Лёшка погиб.

— Ты сама видела, как его засосало болото? — выкатила глаза Маринка.

— Нет. Марина, давай потом. Не могу пока говорить об этом, — обреченно ответила я, сглатывая ком в горле.

ЭПИЛОГ

С того нашего разговора с Маринкой и со времени последней встречи с Лёшей прошло несколько месяцев. Дни летели один за другим — стремительно и безвозвратно. Серые тихие будни иногда расцветивали радостные вести, отчего хотелось жить и надеяться, что в жизни не бывает случайных встреч.

Марина развелась с Вадиком и вышла замуж за Пашку. Я радовалась, что в Маринкину жизнь наконец пришли счастье и покой. Она забеременела. Пашка согласился на пышную свадьбу с условием, что они будут жить в деревне. Дядя Эдик довольно покрывал и во всем потакал будущему зятю и даже как-то сказал, что теперь спокоен за дочку. А что жить в деревне будут, так и к лучшему — и ребенку нужен свежий воздух, и Маринке спокойнее. Паша, с нетерпением готовясь примерить статус отца, увлеченно отделывал свой деревенский дом, в чем дядя Эдик принимал самое деятельное участие.

Статью я все же написала, несмотря на настоятельные рекомендации аппарата градоначальника не делать этого. Мэра ушли в отставку. Не из-за моей статьи, конечно, — грешков у него и без меня было немерено.

Света... Света и сама не знала, что она потомок германского горного инженера Нойманна. Из скудных архивных документов мы узнали, что её прапрадед приехал в царскую Россию на работу. Женился. Грянула революция, и он с женой и дочкой вернулся на родину. А в сорок втором он с семьёй объявился в наших краях и поселился в квартире на площади Победы, тогда она ещё называлась Круглая. Чем он занимался, что искал в наших северных широтах — можно только догадываться. В конце войны он бежал от Красной армии, а вот жена не успела уйти с ним. Её расстреляли, старшую дочь посадили, а Светину прабабку поместили в детский дом. Удивительно, но после детдома она вернулась в эту же квартиру. Замуж не вышла, но родила дочь — Светину маму. Видимо, кожаный мешок, что увёз Ванька, был наследием Нойманна. И искатели клада думали, что инженер оставил все же подсказку своим потомкам, потому и охотились на бедную Светку. Может, они и правы, да только Светина бабка унесла все секреты с собой в могилу. После длительных уговоров и небольшого денежного вознаграждения мачеха согласилась на обмен. Света въехала в квартиру, где родилась, и готовила документы на опеку над братом.

После исчезновения Лёшки Борис смог накопать доказательства его непричастности к делу по квартирам, а по наркотикам — хоть и шито уголовное дело белыми нитками — кропотливо искал доказательства его непричастности. Ванька, «навестив свою бабушку», с мешком укатил обратно и даже не сообщил, было ли в мешке то, что они искали. Лизка всё же спросила у бабушки, что было в мешке? Дорогая бабулечка Инессочка, на «голубом глазу» сообщив, что Лёша оставил ей мешок на время, принялась возмущаться: и как это мы посмели подумать, что она будет рыться в чужих вещах! При этом шурилась по-особенному, подняв брови, подтягивала нижнее веко и смотрела в овальные щёлочки. Ну точь-в-точь солнышко в хитрючих морщинках-лучиках, нарисованное на стене в детском саду.

Моя жизнь изменилась. Дни стали одинаковые и походили на звенья цепочки, привязавшей меня к дому, в дверь которого однажды вечером может позвонить Лёша. Я верю, что он выбрался из болота. Значит, есть надежда, что он вернётся, через неделю, месяц, год... и от этого жить легче.

Лёшки всё нет и нет, а я жду, жду и после работы мчусь в ближайший от дома магазин, покупаю что-нибудь мясное, у овощника — помидоры, огурцы и зелень. Готовлю ужин и встаю у окна, разглядывая одиноких прохожих. Середина августа. Ночь, как тёмная краска, разлитая на белый лист дня, с каждым вечером всё больше и больше съедает его. Во дворе зажигаются фонари, и однажды там, где свет фонаря сталкивается с тьмой, сквозь дождливый косохлёт я увидела силуэт мужчины... Он стоял и смотрел на мои окна. Лёшка! Сердце бешено заколотилось. Я выбежала на улицу, но никого уже не было. И такая тоска навалилась, что душа вывернулась наизнанку. Поднялась в квартиру, сбросила с себя мокрую одежду и легла в кровать. Лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к шагам и звукам в подъезде. Казалось, утро никогда не наступит. Наконец с улицы донеслось «жик-жик!» — дворник монотонно подметал асфальт. Понимая, что мое сердце становится пустым и что такие ночные бдения ни к чему хорошему не приводят, я наскоро побросала в сумку кой-какие вещи и поехала к бабуле на недельку.

Утреннее солнце, запрограммированное на жару, встречалось с предрассветной прохладой от ночных дождей и нежило несколько часов. Вставала я рано и до половины девятого сидела в беседке, наслаждаясь свежестью. Потом неслась на работу, как всегда опаздывая. А вечерами располагалась на берегу и фотографировала разгорячённый шар солнца, уползающий за горизонт, оставляя за собой закат, играющий всеми оттенками красного.

Начинаю понимать: моя жизнь не изменилась — изменилась я. Постаралась заглянуть в себя, если можно так сказать. И ничего путного не увидела.

Прав Пашка, что на баб мы не похожи, ой как прав!

Приближался сентябрь. Зарницы чертили небосвод.

Росы усилили пахучесть трав, и их аромат наполнил ночи прохладной свежестью. Вытащив раскладушку на террасу, я всю неделю ложилась и смотрела, как падают звезды. При этом пыталась успеть загадать желание, но не успевала. Видимо, судьба и мой план на дальнейшую жизнь упорно не совпадали. Видя, что ипохондрическое настроение все больше и больше захватывает меня, бабуля провела со мной «реанимацию мозга». Из воспитательной беседы я узнала, что, кроме как о себе любимой, я ни о ком не способна ни думать, ни заботиться и что должна отпустить и Лёшку, и ситуацию... С чем, разумеется, я была не согласна. Провоевав с бабулей все выходные, я вернулась в свою квартиру с твёрдым решением найти «своё лицо».

Сегодня седьмое сентября — день моего рождения. После работы семейный сбор по этому поводу у бабули, а сейчас принимаю поздравления от коллег. Неожиданно дверь открывается и влетает Лизка.

— Всем здарсьте. Кира, бабушка до тебя дозвониться не может...

— Что-то случилось?

— Да вроде ничего, — Лизка пожала плечами, — голос бодрый, радостный. Скомандовала, чтобы ты летела стрелой и, конечно, повесила трубку. Ой, дорогая сестричка, извини, с днём

рождения тебя! Ты собирайся, а я успею выпить за твоё здоровье.

Редактор суетливо налил шампанское в пластмассовый стаканчик.

Интересно, какой сюрприз приготовили мне родственники...

Весёлый таксист вёз меня в Ивняки, напевая, что, мол, было счастье рядом, было около...

Мне пришло в голову, что песенка обо мне, потому как окликнуть его, то есть счастье, этим стремительно пролетевшим летом я так и не сумела... Вся надежда была на осень, зиму, весну... Тем более что теперь я знала, каким именем зовётся моё счастье...

□

Наталья Евгеньевна СИЛАКОВА

(псевдоним — Наталья Стомонахова)

родилась в деревне Гимрека Ленинградской области.

Прозаик, переводчик.

Окончила Московский институт

международного права и экономики имени А.С.Грибоедова.

Автор книг детей и взрослых на русском и вепском языках.

Публиковалась в журналах «Север» и «Carelia».

Член Союза писателей России.

